

И ЗДЕСЬ РЕШАЛАСЬ СУДЬБА ЛЕНИНГРАДА

Киришский плацдарм на правом берегу реки Волхов являлся важной составной частью Киришского оборонительного района противника. Этот район образовался в конце 1941 года на восточном и западном берегах Волхова с границами у населенных пунктов Кириши, Мыслово, Ирса, Погостье, Березовик, Лариснов Остров, Посадников Остров, Липовик.

Сюда с декабря 1941 года отходили разбитые нами под Тихвином, Войбокало и Волховской ГЭС фашистские войска, входившие в состав 39-го моторизованного корпуса Шмидта, группы Бекмана и армейского корпуса немцев.

Еще в период развертывания своего наступления в октябре-ноябре 1941 года навстречу финской армии, в сторону Тихвина и Волхова, немцы решили использовать этот чрезвычайно удобно расположенный в лесисто-болотистой местности узел железных и грунтовых дорог в качестве промежуточной базы для обеспечения войск, наступавших в восточном, северо-восточном и северном направлениях.

Уже в ноябре 1941 года специальными инженерно-саперными частями и резервами гитлеровцами в районе Киришей были развернуты крупные работы по переоборудованию этого района в мощный оборонительный рубеж и одновременно в базу снабжения войск. С флангов Киришский оборонительный район противника обеспечивался рубежами, которые в то же время оборудовались вдоль берегов р. Волхов через Грузино и Чудово до Новгорода и вдоль железной дороги Кириши – Мга до Погостья. Все это дало возможность противнику, хотя и разбитому на Тихвинском и Войбокало-Волховском направлениях, при отходе в конце 1941 года закрепиться в районе Кириши – Посадников Остров на готовых рубежах, сооружениях и ограждениях, создав здесь плотную завесу огня и оставив в обороне крупные силы.

Условия местности не позволяли нашим войскам осуществить широкий охват этого оборонительного района противника с флангов. Западнее Киришей, у Посадникова Острова, началось не проходимое болото Соколий Мох, а южнее путь преграждал оборонительный рубеж противника по Волхову с сильными узлами обороны у Грузино и Чудово. Помимо этого, лютые морозы и глупые бокие снега задерживали наши войска на подступах к Киришам.

Таким образом, к началу 1942 года четко обозначился устойчивый гитлеровцами участок местности на восточном берегу Волхова в районе Киришей, дер. Плавницы, Новинка, Кириши и собственно рабочий пос. Кириши, где сохранились развалины производственных зданий химического комбината и лесозавода. Эти здания и полотно железной дороги немцы приспособили к обороне, услев глубоко зарыться в землю и создать достаточно плотную, разветвленную систему огня, минно-взрывных и проволочных заграждений. Размер плацдарма не превышал 3 x 2,5 километра.

Киришский плацдарм противника, а также его плацдарм в районе Грузино, расположенные на восточном берегу Волхова, находились на весьма чувствительных для нас направлениях. Отсюда шли кратчайшие пути на восток, к Тихвину, и на северо-запад к Ленинграду. Немецко-фашистское командование считало эти плацдармы трамплинами, с которых надеялось при благоприятной обстановке вновь нанести удар на Тихвин; соединиться с финнами и замкнуть второе кольцо блокады вокруг Ленинграда. Эти плацдармы, находясь территориально на фланге его чудово-любанской группировки, являлись своего рода щитом, прикрывающим эту группировку от ударов наших войск.

Для обороны Киришского плацдарма противник привлекал кадровые дивизии, сформированные в Восточной Пруссии. Вначале на плацдарме оборонялись части 11-й пехотной дивизии, затем их сменила 21-я пехотная дивизия, позднее здесь оборонялись 217-я и 61-я пехотные дивизии. К моменту ликвидации плацдарма в октябре 1943 года оборону на нем занимали части 132-й пехотной дивизии.

Плацдарм являлся своего рода «нарывом на теле» для войск Волховского фронта, сначала на его правом фланге, а с июня 1942 года — в центре фронта. Он не только отвлекал силы и средства, но и

сковывал маневры наших войск. Ликвидация его стала одной из первостепенных задач 4-й армии.

До июня 1942 года бои здесь вели 54-я армия Ленинградского фронта и 4-я Волховского. В это время граница между фронтами проходила у Киришей. С середины июня 1942 года, после передачи в состав Волховского фронта 8-й и 54-й армий Ленинградского фронта и развертывания Волховского фронта всеми его силами на 300-километровом прострaнстве от Ладожского озера до озера Ильмень, Киришский оборонительный район немцев оказался в центре полосы Волховского фронта. Значение его на протяжении 1942—1943 годов для нас не оставалось неизменным.

Для противника это был один из важнейших районов обороны — как «клин», вбитый в наши и ленинградские, приладожские и приволховские силы, и как район возможного удара по нашим войскам с фланга. Даже прорыв 54-й армии в марте 1942 года к югу от Погостья в сторону Любани и овладение крупным плацдармом на этом направлении не внесли существенных изменений в создавшееся положение. И все лето 1942 года Киришский плацдарм представлял собой серьезное для нас препятствие на пути к подержанию и развитию связи войск Волховского и Ленинградского фронтов. Он преграждал выход войскам Волховского фронта на северный фланг всей Чудовско-Любанской группировки противника. Поэтому фронт, наряду с главными усилиями на главном направлении и к югу от него, делал все возможное, чтобы сбросить противника с Киришского плацдарма, с восточного берега Волхова. Одновременно фронт усиливал и развивал свою оборону на Киришском направлении, чтобы не дать противнику внезапным ударом вновь вырваться с плацдарма на восток или север от Волхова.

Между тем обстановка на Ленинградском направлении со второй половины 1942 года стала развиваться далеко не в пользу противника. Под ударами войск Северо-Западного фронта он понес крупное поражение на Валдайском и Старо-Русском направлениях. Войсками Волховского фронта прочно удерживались все важнейшие рубежи в Приладожском и Приволховском районах. Были серьезно обескровлены силы немцев и в Киришском оборонительном районе.

Волховскому фронту в течение июля-августа 1942 года удалось на Ленинградском направлении, перегруппировать свои главные силы и средства с Чудовского и Новгородского на Мгинско-Синявинское направление, в Приладожье, подготовить крупные силы к востоку от Невы для нанесения противнику вместе с войсками Ленинградского фронта упреждающего удара с целью срыва его замысла третьего штурма и уничтожения Ленинграда.

В этот период были вновь развернуты активные действия против Киришского оборонительного района и Киришского плацдарма немцев. Эти действия служили, главным образом, целям отвлечения внимания и сил противника от проводимых командованием Волховского фронта мероприятий по общей реорганизации сил на Ленинградском направлении. Необходимо было оставить противника при твердом убеждении, что Волховский фронт по-прежнему граничит с Ленинградским у Киришей, что он, как и прежде, стремится прорваться через Кириши на западный берег Волхова, чтобы соединиться с Ладожской группировкой Ленинградского фронта для последующих совместных действий в сторону Ленинграда.

Эта цель была достигнута. Киришская операция, развернувшаяся в июле-августе 1942 года, привлекла к себе исключительное внимание гитлеровского командования. Непосредственно этой операцией, с преимущественным применением в ней значительных артиллерийских, танковых и инженерных сил, в том числе и фронтного подчинения, руководил начальник штаба Волховского фронта генерал-майор Г. Д. Стельмах, действиями артиллерии – генерал-майор Г. Е. Дегтярев, танковых войск – генерал-майор Н. А. Болотников, инженерных войск – генерал-майор А. Ф. Хренов. Наступательную операцию проводила 4-я армия под командованием генерала Н. И. Гусева во взаимодействии с 54-й армией под командованием генерала А. В. Сухомлина.

В составе 4-й армии на Киришский плацдарм противника наступление вели 44-я, 310-я и 377-я стрелковые дивизии, усиленные 7-й гвардейской танковой бригадой, 539-м отдельным минометным батальоном, артиллерией и минометами, в том числе гвардейскими («катошами», – *Ред.*). Со стороны 54-й армии, на западном берегу Волхова, в направлении Посадников Остров – Липовик действовали 115-я, 193-я и 311-я стрелковые дивизии.

Немецкое командование очень боялось прорыва наших войск скрытно провести общую оперативную реорганизацию своих сил в районе Киришей. Для прочного удержания Киришского плацдарма оно бросало сюда все новые и новые силы. На плацдарме немецкие дивизии заменялись свежими или восстановленными каждаые три дня, а с плацдарма выводились дивизии, понесшие большие потери, обескровленные.

Увлечшись в июле-августе удержанием Киришского плацдарма, противник упустил из поля зрения самое для него опасное: развертывание Волховского фронта от Киришей до Ладоги и перегруппировку его главных сил с восточного берега Волхова до Новгорода и Чудова в Приладожье – на Мгинско-Синявинское направление.

Только 25 августа 1942 года противник впервые обнаружил наци «интенсивные железнодорожные перевозки... к фронту» (из немецких документов. – *Ред.*). Но к этому времени Волховский фронт не только закончил перегруппировку с южного – приволховского крыла – на северное – приладожское, но и успел уже развернуть силы первого, второго и частично третьего оперативных эшелонов (8-я армия, 4-й гвардейский корпус, часть сил 2-й ударной армии) для удара на Мгинско-Синявинском направлении.

Этим ударом 27 августа 1942 года со стороны Ладожского озера и началась Синявинская операция Волховского фронта. В ней сыграла исключительную роль широко задуманная и проведенная оперативно-маскировочная операция Волховского фронта на Чудово-Новгородском направлении и активная летняя Киришская наступательная операция.

28 августа, на второй день Синявинской операции, начальник генштаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер записывает в своем дневнике: «Весьма неприятный прорыв противника южнее Ладожского озера... Кроме того, отмечается подготовка к наступлению на Волховском фронте». Немецкому генштабу еще 28 августа было невдомек, что южнее Ладожского озера немецкие войска атакуют уже не Ладожская группировка Ленинградского фронта, управляемая из осажденного Ленинграда, а самостоятельный и с большими оперативно-потенциальными возможностями Волховский фронт. А это коренным образом меняло дело! После

Синявинской операции противнику пришлось держать значительные силы в Киришском оборонительном районе и на Киришском плацдарме для того, чтобы обезопасить себя от преждевременного разгрома на Чудовско-Любанском направлении.

Все эти операции и бои дезорганизовали большую часть сил противника и в определенной мере способствовали подготовке и успешному прорыву блокады Ленинграда.

К сентябрю 1943 года, в связи с общим, весьма неблагоприятным для немцев развитием обстановки, его 18-я армия оказывается «между двумя стульями»: удержаться в Приладожье и на Волхове шансов мало, отходить — значит потерять все, подвергнуться разгрому. Нужно зарываться в землю, сокращать фронт, выкраивать резервы. Именно тогда, в начале октября 1943 года, немецкое командование решило вывести свой войска из полуокружения, не сыгравшего для него никакой положительной роли, но стоившего колоссальных человеческих и материальных жертв. Противник хотел это сделать внезапно и скрытно. Но наши войска были начеку: 4-я и 54-я армии, обнаружив отход с Киришского плацдарма, стали преследовать его, нанося значительные удары, уничтожая живую силу и технику.

Таков был бесславный конец Киришского плацдарма противника.

В. Я. СЕМЕНОВ,

*генерал-майор в отставке, доцент.
В 1941–1944 годах — начальник оперативного
управления штаба Волховского фронта*

АТАКУЕМ ПЛАЦДАРМ

В июне 1942 года наша 44-я стрелковая дивизия была отведена с прежнего рубежа обороны на новый и скрытно сосредоточена в лесу юго-восточнее Киришского плацдарма. В участок, занимаемый немцами на восточном берегу Волхова, входили пос. Кириши, деревня того же названия, пос. Добровольный, ст. Кириши и мощное передmostное укрепление, преграждающее путь к железнодорожному мосту через Волхов.

К тому времени противник оборонялся здесь уже свыше полутора года, и на переднем крае, и в глубине обороны у него появилась широко развитая система траншей, ходов сообщения, позволяющая скрытно сосредоточить значительные силы в непосредственной близости от наших частей. На участке его обороны появились не только дзоты, но и долговременные огневые точки из железобетона. Резервы немцев имели надежное укрытие в бетонированных подвалах бывших цехов химкомбината, лесозавода, в населенных пунктах. Имелись и удобные наблюдательные пункты на чердаках зданий, на водонапорной башне.

Этим летом, как было сказано в приказе по дивизии, противник был намерен нанести удар по нашим войскам и повторить попытку 1941 года: окружить вторым кольцом блокированный Ленинград.

В июне такое сосредоточение войск противник начал довольно энергично. Было замечено усиленное движение переправочных средств через Волхов, а также движение на железнодорожном мосту, который, хотя и был подорван, но на участке обрушившегося пролета имел деревянный настил для пешеходов. Таким образом, была насыщена необходимость не только предотвратить готовящееся наступление, но и захватить плацдарм, сбросив вражеские войска в Волхов.

Полкам дивизии был отдан приказ занять оборону на суженных участках. Каждому стало ясно, что прибыли мы сюда не для обороны,

а для наступления. 25-й стрелковый полк занял оборону на левом крыле дивизии, опираясь левым флангом в Волхов. Наш 146-й полк занял оборону против деревни Новинка и химкомбината. Левый фланг в стыке с 25-м полком, правый — захватывал рощу с кодовым названием «Слон», находящуюся возле деревни Новинка, и территорию лесозавода, на которой у противника было установлено несколько минометных и артиллерийских батарей.

В двадцатых числах июня начали прибывать наши свежие части. В лесу расположилось несколько артиллерийских и минометных полков, дивизионы РС («катюш»). Ночью под гул наших батарей скрытно выдвинулись к переднему краю танковые батальоны 185-й танковой бригады, которые имели на вооружении средние танки Т-34, тяжелые КВ и легкие Т-60. Перебазировались поближе и ночные бомбардировщики. Хотя эти старые самолеты немцы презрительно называли «русфанериш», но они каждую ночь наносили бесположающие бомбовые удары по плацдарму, и немцы боялись их смертельно.

Сосредоточение войск было завершено к 23 июня. Командование группой поручили командиру нашей 44-й дивизии полковнику Артошенко. наших сухопутных сил было сосредоточено точно, а авиационного прикрытия их дневных действий не было. Это грозило большой опасностью. Нам было известно, что под Ленинградом у немцев имеется и истребительная авиация, которая могла обрушиться на нас сокрушительные удары. Как показал ход боя, эти опасения не были напрасными.

Начало атаки было назначено на утро 25 июня.

Всю ночь напролет наши бомбардировщики усиленно обрабатывали оборону немцев. Едва на востоке забрезжил рассвет, ударила наша артиллерия и минометы. Над кирпичными зданиями химкомбината, где был расположен основной опорный пункт и резервы пехоты противника, стояло красно-красное облако кирпичной пыли.

Под грохот артиллерийской подготовки танки сосредоточились непосредственно в боевых порядках пехоты. Противник на переднем крае молчал и только из-за Волхова вел огонь из тяжелых батарей.

По сигналу атаки рванулись танки, пошла вперед пехота. На первой линии обороны немцы почти не оказали сопротивления, и это

позволило нашему второму батальону ворваться в изуродованную рощу, а соседним батальонам нашего полка занять деревню Новинка. Батальоны 25-го стрелкового полка, наступавшие вдоль Волхова, ворвались в деревню Кириши. Здесь, в центре деревни, немцы начали оказывать упорное сопротивление. Когда фашисты в панике побежали к берегу и бросились в воды Волхова, их встретил губительный огонь своих же пулеметов с западного берега реки.

Наши батальоны 146-го полка продвинулись к химкомбинату, бойцы сумели ворваться в одно из зданий, ведя рукопашный бой, в котором и принял участие.

Казалось, все шло хорошо, наступление развивалось успешно. Большое количество немецких войск, сосредоточенных на плацдарме, не облегчило их оборону, а наоборот, внесло сумятицу, небрежуху. Немецкое командование потеряло управление своими войсками. Командиры частей противника по радио открытым текстом просили поддержки авиации.

Уже солнце поднялось довольно высоко, когда я услышал грозный гул моторов. С запада к плацдарму шли пикирующие бомбардировщики в строгом строю, по три самолета в звене. Шли довольно низко, как осы, кружили «мессершмиты».

«Юнкерсы» развернулись против солнца, вытянулись в одну линию и пошли в атаку на наши танки. Легкие машины Т-60 от близкого разрыва бомб или ложились на бок, или переворачивались вверх гусеницами. В деревне Новинка пылал тяжелый КВ, чуть дальше дымилась «тридцатьчетверка».

Едва схлынула первая волна пикировщиков, как навалилась другая. Где-то в тылу, в районе штаба дивизии, одиноко хлопала наша зенитная батарея. На переднем крае не было ни одного зенитного орудия. Немецкие летчики имели полную свободу действий, если не считать нескольких пулеметов, из которых вели огонь стрелковые подразделения.

Наши танки, развернувшись, поспешно уходили к лесу, в укрытие. Пехота осталась один на один с наземным и воздушным врагом.

При появлении своей авиации немцы начали приходить в себя, восстанавливать порядок. Вскоре они бросились в контратаку на наши батальоны, занявшие Новинку и часть рощи «Слон», но были

отбиты. Не удались и вторая, и последующие контратаки. Бойцы поспешно окапывались или приспособивались к обороне немецкие траншеи и огневые точки. Каждому было ясно, что при отходе к лесу по открытому месту живым едва ли кто останется.

Хуже сложилась обстановка на участке наступления 25-го стрелкового полка. Батальоны попали под бомбежку и огонь дальнобойной артиллерии. По ним били орудия прямой наводкой с западного берега Волхова. Немцы большими силами атаковали полк в деревне Кириши, но дважды или трижды были отбиты. Тогда немецкая авиация обрушила всю свою мощь только на участок обороны этого полка. Сильно поредевшие батальоны попятиться и сумели задержаться только на окраине деревни. Но и в таких обстоятельствах проявили стойкость. Они бросились в контратаку и вторично почти целиком захватили деревню.

Солнце уже скрылось за горизонтом, наступила ночь. 25-й стрелковый потерял почти половину своего состава, значительные потери были и в нашем 146-м.

Так закончился первый день наступления.

За два года обороны боев против плацдарма врагов в Киришах таких дней было немало.

АТАКА

Тот день, удушливый и знойный,
 Не позабыть веки мне.
 В тот день впервые полил кровью
 Я нашу землю на войне.
 Да, в девятнадцать бьет комбатом
 Непросто. Но приказ — закон:
 На звание химкомбината
 Веду в атаку батальон.
 Дымится красной пылью здание.
 Почти в упор бьет пулемет.
 Солдат стоит, как изваянье,
 Стоит: ни взад и ни вперед.
 Мелькает мысль, что, без сомненья,
 Первые парень в бой идет.

Должно быть, он из пополнения...
 — Вперед, вперед! — сержант орет.
 Бой беспощаден рукопашный.
 Я сходу прыгаю в окно:
 Здесь сам себе хозяин каждый,
 «Убей!» — другого не дано.
 Вот, без ремня и без винтовки,
 С лопатой мечется солдат,
 Растрепанный, взъяренный, ловкий
 Крушит, и черт ему не брат.
 И я бегу, кричу, стреляю,
 Жжет больно руку автомат.
 Где роты, взводы — я не знаю.
 «Какой же к черту я комбат?» —

Мелькнула мысль...
 И от удара
 Валюсь на грудь кирпичика.
 Очнулся. Голова в угаре,
 В ней словно молоты стучат.
 — Ну, как там? — спрашиваю тихо.
 На лбу прохладная рука.
 — Очнулся, значит. Лихо, лихо!
 Ребята держатся пока.

НОВИНКА

Должно, она была красивой
 В свои былые времена.
 Теперь — траншеи да крапива
 На пепелищах выросла.
 Березки где? Кривые сломы.
 В помине нет былой красоты.
 А артиллерия за склоном
 Вновь нажимает на басы.
 И дыбится земля от взрывов
 В деревне, выжженной дотла.

Должно, она была красивой
 В свои былые времена.
 Новинка!
 Имя-то какое!
 Век такое не забыть.
 Не зря мы поливали кровью
 Здесь каждый метр, чтоб вновь в ней жить.

* * *

В Новинку мы ворвались с ходу.
 И потянулся пленных строй.
 Шли, победителям в угоду,
 Все с непокрытой головой.
 Шли они молча и угрюмо —
 Куда девалась стать и слесь!
 О чем же каждый пленный думал?
 Должно, одно: «Зачем я здесь?»
 Да, в самом деле, что вам надо?
 Зачем вы в даль такую шли?
 Здесь, в Киришах, под Ленинградом,
 Что вы искали? Что нашли?..

РОЩА «СЛОН»

Та рощица весной шумела
 Своей березовой листвой.
 Зимой покрыта снегом белым,
 Как полшалком, с головой.
 В ветвях ютились синицы —
 Их песни слушала она.
 Могло ли ей когда присниться,
 Что и сюда придет война?
 Названья прежнего лишилась,
 Ей имя дали кратко: «Слон».
 Притихла роща, загаилась.
 Умолк синиц веселый звон.

Здесь по утрам теперь звучала
 Чужая, лающая речь.
 Война безжалостно кромсала
 И жгла, что можно было сжечь.
 Смотрел я часто из траншеи,
 Как гибнет роща под огнем.
 И думал горько: «Неужели
 Мы эту рощу не возьмем?»
 Она мне, милая, казалась
 Хоть беззащитной, но живой.
 Ох, роща, что же теперь стало
 С твоей недавней красотой?

СТЕНА ХИМКОМБИНАТА

Во тьме, на фоне небосвода,
 Зловеще высится стена.
 Я б не поверил людям средю,
 Что может быть страшна она.
 Она — как вырванная челюсть
 В изломах каменных зубов.
 Теперь я вижу сам и верю,
 Я верю в страх без лишних слов.
 И смотрят мертвые глазницы
 Ее окошек и дверей.
 И даже ночью стал мне снится
 Кирпичный, но оживший зверь.
 А утром наши батареи
 Все бьют и бьют по той стене.
 Теперь я в страх уже не верю,
 Но вижу пулемет в окне.
 Крушат фугасные снаряды
 Изломы челюсти немой.
 Летят осколки красным градом,
 Летят у нас над головой.

ЗАТИШЬЕ

Над Волховом косматый дым —
 Горит последний дом.
 А ты не с ним,
 А ты не с ним,
 Хоть тишина кругом.
 На фронте тишина страшна.
 Страшней, чем пушек гром.
 Приносит термос старшина.
 — Ну что, братва, живем!
 Быть может, утром снова в бой:
 Плацдарм еще не взят.
 А Кириши во тьме ночной
 Молчат, молчат, молчат.
 Рассыплет пули пулемет.
 И снова тишина.
 Но знаем мы — плацдарм живет.
 И ночь опять без сна.

И ЗА СУТКИ МЫ ВЗРОСЛЕЛИ

Нас пятнадцать дней войне учили —
 Боем одиночного бойца.
 И винтовки СВТ вручили
 Стриженным взволнованным юнцам.
 Мы не сомневались в восемнадцать:
 Месяц-два и Гитлеру капут!
 Лишь боялись: «Опоздаем, братцы,
 И без нас фашистов разобьют».
 Как мы горопшили эшелоны!
 Как нам не терпелось с ходу — в бой!
 Были перегружены вагоны
 Молодой солдатскою судьбой.
 Ну а мы-то, бед еще не зная,
 Пели песни, время торопя.

Станция забита узловая.
 Паровозы на путях хрипят.
 В небе воют вражки самолеты.
 Дым и гарь, и стон, и женский крик.
 И несут закрытого кого-то,
 Спрягав под шинелью мертвый лик.
 Сыплотся ребята из вагонов,
 Как листва с осеннего куста.
 Мечется майор вдоль эшелона,
 Кроя в душу, черта и Христа.
 Дым. Огонь. Стрельба. Неразбериха.
 Самолеты — за волной волна.
 — Поняли теперь, почему фунт лиха? —
 Спрашивает хрипло старшина.
 И, взглянув на нас, огоропелых:
 — Ничего, ребята, ничего...
 Подождите, вот дойдет до дела,
 Передушим всех до одного!
 Греем животами дно кювета.
 И впервой за восемнадцать лет
 Поняли: на всем на белом свете
 Лучше, чем кювета, места нет.
 С темнотой вокруг отгрохотало.
 Дымный вечер душен был и тих.
 Пятерых ребят у нас не стало,
 Только в нашем взводе пятерых.
 Схоронив погибших у вокзала,
 Уходил наш батальон во тьму.
 Сколько тех ребят в живых осталось?
 Сколько их ушло по одному!..
 Не забыть, как поднимались роты
 И рвались сквозь страх в смертельный бой.
 Ах, пехота, матушка-пехота —
 Жизнь моя, моя любовь и боль!
 Кто сказал, что время — лучший лекарь?
 Нет, не лечит время старых ран.
 Нет таких лекарей еще в аптеках,

Чтоб забыл о прошлом ветеран.
 Да и надо ль забывать об этом,
 О далеком разбомбленном дне?
 И о том, как в зареве ракетном
 Шел наш батальон к большой войне.
 Как выросли на глазах ребята,
 Как в сердцах их клокотала злость!
 Не за год – за сутки стать солдатом,
 Повзрослеть за сутки довелось.

ВЕТРЫ АПРЕЛЯ

И опять по селу бродят ветры апреля
 И о чем-то горланят сполошно грачи.
 Потому я и в скорую старость не верю,
 Потому, как и в юности, сердце стучит.
 И не верю, что волосы в белой пороше –
 Это, может, всего лишь черемухи цвет.
 И легка мне, как прежде, тяжелая ноша,
 И дорога моя убегает в рассвет.
 Я, как прежде, влюблен в эти синие горы,
 В этот запах родных тополей.
 Не боюсь, что прибудет мой скорый
 На конечную станцию жизни моей.
 Он прибудет туда тяжело нагруженный
 Светлым грузом мечты, тяжким грузом забот,
 Фронтowymi путями...
 И лязнут вагоны,
 И состав, тихо вздрогнув, замрет.
 Ну да это когда еще будет...
 А пока над полями серебряный дым,
 И с душою, распахнутой ветру и людям,
 Я по жизни иду молодым.

КИРИШИ

Здравствуй, город совсем незнакомый!
 Здравствуй, Волхов – испытанный друг!
 Как идет тебе эта обнова –
 Светлый город на берегу.
 Помню:
 Старый поселок в руинах,
 В воды стылые рухнувший мост,
 С перебитою взрывом хребтиной,
 С арматурой железных волос.
 Да вода по колено в траншеях,
 Да воронки на каждом шагу...
 Я старею, а ты молодеешь,
 Чудный город на берегу.
 Мне по-прежнему снятся ребята,
 Пулей срезанные на бегу.
 И стоят, как бессмертье солдата,
 Обелиски на берегу.
 Да еще из стекла и бетона
 На руинах кварталы встают.
 Здравствуй, город совсем незнакомый,
 Обесмертвивший подвиг и труд!

В. Ф. ТУЛИН,

*майор, в 1941–1943 годах – лейтенант,
 командир 2-го батальона 44-й стрелковой дивизии.
 Воювал под Тихвином, на Киришском плацдарме*

И СТАЛИ МАЛЬЧИШКИ ВОИНАМИ

В марте 1942 года после трудного многодневного марша мы были на пополнение в 1082-й стрелковый полк, занимавший оборону на восточном берегу Волхова неподалеку от рабочего пос. Кириши.

Ветераны боев встретили нас недоверчиво. Да, в самом деле, в большинстве своем это были необстрелянные еще ребята, призванные в армию из прифронтовых областей – Ленинградской, Вологодской. Было им в основном по 17–18 лет.

Первым делом спросили у фронтовиков, дают ли здесь курево. Пожилой боец с заросшим седеющей бородой лицом вынул из ватных брюк расшитый кисет, подержал в руке, а потом протянул одному из молодых бойцов со словами:

– Здесь, сынки, все дают, вплоть до путевок в рай.

Не успели мы свернуть самокрутки, как над головами с боем пронеслась мина. Потом невдалеке с шипением упали и звонко треснули вторая, третья... Пожилый боец быстро лег на снег, пополз в землянку. Его примеру последовали и мы.

Дрожали бревна наката, на головы, за ворот сыпался холодный песок. Для многих из нас это было первое боевое крещение, посвящение во фронтовики.

Когда обстрел затих, в землянке появился военный в белом полушубке. Бойцы встали. В петлицах гимнастерки мы разглядели два кубика. Лейтенант посмотрел на меня и спросил:

- Первый раз на фронте?
- Нет, в сорок первом довелось воевать под Тихвином.
- И как, страшно?
- Ничего, привыкнуть можно.
- До армии, наверное, учился?
- Учился. Закончил девять классов.
- В пулеметчики пойдешь? – спросил лейтенант и, не ожидая ответа, приказал – Пошли со мной.

Так я стал станковым пулеметчиком. Сначала подносил пулеметные ленты, помогал первому номеру перетаскивать тяжелый «максим» на новые позиции, что приходилось делать после каждой стрельбы, потому что немцы быстро засекали наше место и открывали минометный огонь.

Хотя в те дни мы стояли в обороне, каждый день несли потери. Над передним краем, над самыми макушками деревьев, часто летали вражеские самолеты и сбрасывали бомбы. Аккуратно, точно по расписанию били минометы. То и дело вокруг щелкали разрывные пули. Редко выдавались такие минуты, когда затихала стрельба.

Видимо, поэтому один из мартовских вечеров особенно запомнился мне. Мы с товарищем лежим за пулеметом, внимательно всматриваемся в противоположный берег реки, где глубоко зарылись в землю немцы. С наступлением сумерек над заснеженным Волховом регулярно вспыхивают осветительные ракеты. Немцы боятся нового наступления, держат под наблюдением каждый метр реки.

Пришел проверить посты командир взвода станковых пулеметчиков лейтенант Краснов.

– Как дела? – спросил с характерным вологодским говором. – Что фрицы делают? Не собираются к нам в гости?

– Да вроде тихо на том берегу.

Лейтенант прилег рядом. Повернулся лицом к небу, густо усевшему звездами. О чем думал он в эти тихие весенние минуты фронтного затишья? Может быть, вспомнил родную вологодскую деревню, где учил ребятишек грамоте. Может, мысленно увидел своих детей, по которым так соскучился за долгие военные месяцы. Оказалось, о другом мечтал:

– Вот отвоюем у фашистов деревню, натопим жарко баню, так напаримся, что всем фрицам тошно станет.

О бане давно думали и мы. Когда почти круглые сутки лежишь в снегу, жаркая банька кажется какой-то отдаленной, несбыточной мечтой.

В те трудные дни, когда на огромном фронте шло кровопролитное сражение с превосходящими силами врага, был популярен лозунг: «Коли хочешь жить – убей фашиста!». Мы знали, что в окруженном

врагами Ленинграде гибнут дети, старики, женщины. Гибнут от жестоких обстрелов, но особенно от голода.

— Чтобы помочь ленинградцам, мы должны истреблять фашистских захватчиков, — говорил нам наш политрук перед очередным наступлением. — Истреблять в этих лесах и болотах, днем и ночью. От каждого из нас зависит спасение тысяч и тысяч людей, страдающих в блокадном Ленинграде.

О предстоящем наступлении мы узнали накануне. Ночью начали молотить вражескую оборону наши «кукурузники». Потом заработала артиллерия, заговорили «катюши», залпы которых злобно поднимали дух бойцов перед атакой. В пять утра первые цепи красноармейцев, одетых в белые халаты, спустились на волховский лед. Гитлеровцы молчали. Какой-то миг нам казалось, что на том берегу не осталось ничего живого. Но вот взвилась одна, другая, третья ракета. Противоположный берег внезапно ожил, оцетинился. На наступающих бойцов обрушился град пуль и снарядов. Спасение было только одно — вперед!

...Бой шел уже в немецких окопах и блиндажах. Наш «максим» работал без устали, поддерживая наступающую пехоту. Во время боя лейтенант Краснов всегда был среди нас и часто сам ложился за пулемет. Вот и сейчас он незаметно подполз к небольшому укрытию, откуда мы вели огонь, и приказал выдвинуть пулемет вперед. Лейтенант отодвинул моего напарника, сам взялся за рукоятки и начал посылать длинные очереди по гитлеровцам. Был двадцатиградусный мороз, по лицу командира кагились крупные капли пота. Через несколько минут он передал пулемет наводчику, а сам, в азарте боя, забыв об опасности, встал во весь рост и был моментально сражен вражеской очередью.

Мы тяжело переживали эту утрату. Лейтенант Краснов был для нас не только хорошим командиром, но и вторым отцом.

А через несколько дней еще одна тяжелая потеря: погиб мой школьный товарищ и боевой друг Митя Малиновский. Он был в составе группы, посланной в тыл врага на разведку. Группа успешно выполнила задание, а когда возвращалась, ее накрыли немецкие минометы. Митя, шедший сзади, тихо упал, даже не охнул. Соорудив волокушу, разведчики везли раненого в медсанбат. Я встретил группу недалеко от переднего края. Лицо друга

было белее снега. Услышав мой голос, он открыл глаза и с большим трудом сказал:

— Леша, прощай... Возьми в моем мешке теплый свитер... Напиши домой обо мне...

До войны мы рядом с ним жили в Тихвине, вместе ходили в школу. Вместе играли в лагуну. Была у нас своя мечта: хотели стать геологами. Война перечеркнула все планы, отняла юность, а у Мити — жизнь.

В боях на Волховском фронте погибло много моих однокашников. Помню Ваню Нешина. Высокий, немного сутулый. Он любил философствовать, с ним часами можно было рассуждать на разные темы. Он мечтал о ракетах, о полетах на другие планеты. Но ему так и не довелось узнать, что его юношеские мечты сбылись. Он остался семнадцатилетним.

Навсегда остался в памяти молодым и Павлик Лялин. Он еще в школе мечтал стать командиром Красной Армии. Я встретил его на фронте в сорок втором. Высокий, красивый. Через плечо португалея. В петлицах новенькой шинели два лейтенантских кубика. А через несколько дней жизнь Павлика оборвала вражеская пуля. Не верилось. До сих пор не верится, что нет сегодня этих замечательных ребят.

Есть дни, которые никогда не забудутся. Для меня таким днем стало 11 апреля 1942 года. Когда мы перетаскивали пулемет на новую огневую позицию, я почувствовал сильный удар в ноги и упал.

Тяжелое ранение на долгие месяцы приковало меня к больничной койке. В далеком Казахстане, в эвакуогоспитале, тоскливо долго тянулись однообразные дни. Но, как и встоду, и в госпитале находились люди, заражавшие своим оптимизмом...

Прошло с тех пор много лет. Целая человеческая жизнь. Там, где шли кровопролитные бои, вырос большой промышленный город. Когда я приезжаю в Кириши, невольно думаю: не зря мы страдали и умирали в волховских лесах и болотах. Жизнь расцветает там, где было наше первое поле боя.

А. ВЕСЕЛОВ,

рядовой, пулеметчик 1082-го полка
310-й стрелковой дивизии

А СОЛДАТ ВОЕВАЛ!

После излечения раны, полученной у Мясного Бора, я был направлен в Боровичи на курсы по подготовке командиров пулеметных расчетов. Курс обучения окончен, все были направлены на передовую. Я попал под Кириши на должность командира пулеметного расчета «максима» в 24-ю стрелковую бригаду. Шел 1942-й год.

До вражеских позиций, как говорится, рукой подать. Вдали виднелся железнодорожный мост через р. Волхов. Шли бои местного значения. То враг переходил в атаку, то мы наносили по нему удары с целью улучшения своих позиций.

Но мы готовились к серьезным операциям. Враг сильно укрепился, и нужно было к наступлению хорошо подготовиться. С нами беседовали агитаторы, приходил политрук. Они рассказывали о положении на фронтах, призывали крепче бить врага и помочь защитникам Ленинграда.

21 июля после артиллерийской подготовки мы пошли в атаку. Фашисты ожесточенно сопротивлялись. Приходилось с боем брать каждый метр. Наши подразделения почти подошли к железнодорожной насыпи, но тут противник открыл сильный артиллерийский и минометный огонь. Вскоре появились вражеские бомбардировщики и начали сбрасывать бомбы.

Тряслась, гудела и колыхалась земля, все кругом полыхало. Пришлось отойти на свои исходные позиции. Таков был приказ командиров. Надо было сохранить силы.

Сейчас, вспоминая о тех тяжелых боях, диву даешься. Как это мы могли выжить. Все поле было изрыто разрывами снарядов и бомб. От деревьев остались изуродованные, обгорелые стволы. А солдат жил, воевал, бил врага. Конечно, были и убитые, и раненые. Война есть война: без жертв она не обходится.

Между ожесточенными боями, когда наступало затишье, тоже было нелегко. Налеты артиллерии и минометов, частенько очере-

дами били пулеметы, сеяли смерть вражеские снайперы. Трудности дополнялись еще и тем, что мы находились на болотистой местности. Копнешь немного – и вода. Приходилось передвигаться, низко наклонясь, по грязной жиже. Верно, потом приспособились, начали строить различного рода укрытия.

Мы не унывали. В любых условиях старались бить врага, нанести ему больше потерь. Мы знали, что наши боевые действия помогают защитникам Ленинграда. В нужное время подносчики доставляли боеприпасы, посланцы старшины приносили горячую пищу, вездесущие «почтари» радовали нас газетами и весточками-письмами из дома. Даже медицинские работники не оставляли нас в покое – требовали соблюдать чистоту, вести борьбу с опасным врагом – вошью. Одним словом, жизнь солдата шла своим чередом.

Бывало частенько появлялась «рама» – вражеский самолет-разведчик. Сбрасывал листовки с призывом переходить к фашистам, но среди нас желающих не было. Вспоминаю, как мы дружно, одним из всех видов стрелкового оружия, били по «раме», и тогда она уходила в южном направлении.

Мы всегда радовались, когда в ночном небе появлялись наши У-2. Над нами они выключали моторы и планировали. Вскоре до нас доносились разрывы бомб, которые они сбрасывали на вражеские позиции.

Большой урон врагу наносили наши снайперы. Сотни фрицев были отправлены на тот свет.

В одной из схваток с врагом я был ранен и отправлен в госпиталь. После войны мы, участники боев, собираемся и вспоминаем о тех трудных днях сражений на киришской земле. Мы гордимся, что являемся участниками битвы за Ленинград.

Очень хотелось побывать на местах тех боев. И вот я в Киришах. Как я был обрадован, увидев красивый город на бывшем поле боя. Было очень отраднo, что жители г. Кириши помнят о нас, ветеранах, чтят память павших воинов.

М. А. МОТОШКОВ,

командир пулеметного расчета
24-й стрелковой бригады

ПРОБИЛ ЧАС МУЖЕСТВА

Помню, командир полка М. Супагин, комиссар А. Ермолаев, командир артиллерийского дивизиона И. Котенев с первых дней стали для нас, молодых девчат-ополченек, добрыми воспитателями. Ополченцы – рабочие, инженеры, учителя, артисты, ученые – упорно изучали стрелковое оружие, учились разбирать и собирать винтовку, стрелять из нее, тренировались в проведении санитарных и эвакуационных мероприятий, как тогда это называлось, на поле боя.

Наша дивизия вела ожесточенные бои на ближних подступах к Ленинграду. Наступали и отступали, неся значительные потери. Группа ополченцев под командованием полковника И. Лебединского попала в окружение и с яростными боями пробивалась к своим. Боеприпасы были на исходе. Помню, пробирались скрытно по лесам и болотам без воды и пищи. Заходили в деревни, где не было немцев, местные жители кормили нас. Наконец наш поредевший полк вышел к городу Пушкину.

В сентябре сорок первого после переформирования наша ополченская дивизия стала именоваться 44-й стрелковой, а наш полк – 25-м стрелковым. Командный состав остался прежним.

Настоящее боевое «крещение» дивизия приняла на одной из железнодорожных станций. В тот день мне исполнилось 18 лет. Фашистская авиация бомбила эшелон нашей дивизии. Появилось много раненых и убитых. Немецкие стервятники гонялись за каждым человеком, низко летая над землей и поливая свинцовым ливнем из пулеметов.

Я бежала со всеми по дороге, со страхом думала: «Только бы не убили...». Свернула на обочину, где росла высокая рожь. Услышала истошный крик и ржание лошади. Остановилась, вижу во ржи раненые солдат и лошадь. Перевязала солдату рану на животе. Он стал просить меня, чтобы я его пристрелила. Но если бы даже у меня и было оружие, я не смогла бы этого сделать. Сидела рядом с ним и плакала. Через несколько минут солдат скончался.

Вскоре меня перевели в минометный дивизион, мне присвоили звание старшего сержанта.

В ноябре сорок первого нашу дивизию на самолетах спешно перебросили под Тихвин, который оказался перед угрозой захвата врагом. Мы все хорошо понимали: если Тихвин падет, немцы рванутся к р. Свирь и соединятся с финнами. Ленинград окажется в двойном кольце, а это – голодная смерть, гибель. Помню, настроение у всех – бойцов и командиров – было такое: любой ценой не дать врагу осуществить этот зловещий замысел.

В боях за город Тихвин наш полк нес большие потери, особенно от бомбежек. Было очень много раненых.

Несмотря на бои, командир санроты Милютин попросил санитарок и медсестер сходить на болото за клюквой. Ходили несколько раз, готовили из клюквы морс и поили больных и раненых воинов.

В последний раз, когда мы вернулись с болота, нашей санитарной палатки на своем месте уже не было. От прямого попадания снаряда или бомбы все люди, находившиеся в ней, погибли. Очень тяжело было видеть это и пережить такую потерю.

Разгромленные под Тихвином немецкие дивизии под ударами наших войск откатились за р. Волхов. И только в Киришах им удалось захватить на правом берегу Волхова небольшой плацдарм и превратить его в мощный оборонительный узел. Немцы не теряли надежды отсюда повторить наступление на Тихвин и далее на р. Свирь. Здесь, под Киришами, наша дивизия с многими частями и соединениями Волховского фронта вела почти два года ожесточенные, изнурительные и кровопролитные бои с сильным врагом, не оставившим своего намерения задушить плотным двойным кольцом блокады Ленинград. До сих пор помнятся многие эпизоды тех лет.

Однажды, когда наш полк стоял в обороне под Киришами, в моей санитарной сумке осталось очень мало лечебных средств, и я обратилась к командиру дивизиона И. Котеневу за разрешением снарядить для меня верховую лошадь. Бойцы быстро оседлали ее, показали мне, как держаться в седле. Предстояло проехать болото, по которому была проложена лежневка из бревен.

В тот момент, когда мы были уже на лежневке, неподалеку грохнул взрыв снаряда, и лошадь от испуга резко рванула с места.

Но, споткнувшись, провалилась между бревен и упала на колени. Я же с санитарной сумкой в обнимку перелетела через голову лошади и сильно ударилась. Собравшись с силами, подползла к лошади, стала ее гладить по морде и умолять хоть как-нибудь подняться. Взяла лошадь под уздцы и — неожиданно — она поднялась, выбралась из провала и встала копытами на бревна. Мы поехали дальше...

Было ли страшно в такие минуты? Да, конечно! Я боялась смерти, но желала как в известной песне: «Если смерти, то мгновенной, если раны — небольшой».

В те горькие дни, когда Ленинград мучился в голодной блокаде, наш полк решил помочь ленинградцам: голодающим семьям от каждого воина выделить полпайки, а также конины (перед этим при артобстреле была убита лошадь). Я изъясвила желание поехать в блокадный город через Ладожское озеро — по «Дороге жизни». Поехали на полуторке. Из моих родных в Ленинграде оставались мама и две сестры. Везли небольшие посыпочки в бумажных паке-тах с написанными адресами.

По льду озера перед нашей полуторкой шли машины на расстоянии 60–70 м друг от друга. Фашисты часто бомбили «Дорогу жизни». Недалеко от нашей машины разорвалась бомба. Пришлось ждать, пока подо льдом не скрылась накрытая бомбой машина. Потом мы рассчитали путь, чтобы организовать новый проезд: было много снега и ледяных торосов. Задувал сильный ветер, пронизывал холод. Мне и политруку водитель приказал стоять на подножке полуторки, чтобы в случае бомбежки успеть спрыгнуть на лед и не нырнуть с грузовиком под воду. Если не успел, считай — это верная смерть.

Приехали в Ленинград. В городе свирепствовал страшный голод и холод. Кругом лежали трупы: на дорогах, на лестницах домов. Горожане не успевали убирать мертвых людей, поскольку сами были голодны, больны и обессилены. Умерших перевозили на саночках.

Мы пробыли в городе неделю с заданием: получить на Кировском заводе запчасти для машин и развезти по адресам посыпочки. По указанному адресам многих получателей уже не было в живых.

Незабываемую трагическую гибель людей нам довелось увидеть в больнице имени 25-летия Октября: в коридорах вдоль стен «сидели» замерзшие трупы, а из окна палаты во двор бросали умерших, которые застывали на морозе в разных положениях.

После всего, что мы увидели и пережили в Ленинграде, в душе росло огромное желание еще сильнее бить жестокого врага и как можно скорей изгнать его с нашей земли.

В составе 44-й дивизии наш 25-й полк участвовал в упорных и кровопролитных боях по прорыву блокады Ленинграда со стороны Волховского фронта в январе 1943 года, в освобождении от гитлеровских войск городов Тихвин, Кириши, Новгород, Псков, Дно, Порхов, Чудово. Многие ополченцы с нашего судостроительного завода показывали примеры самоотверженности и мужества. Цирлин, Олег Лихнов, Леша Гладких — погибли. Паня Белова, Валя Конева, Валя Патова получили тяжелые ранения и стали инвалидами войны. Нина Пашкова даже после тяжелого ранения снова вернулась на фронт.

Нас, ополченцев, исполнивших свой святой долг перед родным городом и народом честно и стойко, остается все меньше и меньше. Нам очень приятно, что в людской памяти никто не забыт и ничто не забыто.

Мы часто встречаемся друг с другом и с молодými людьми наших поколений в городах, которые освободили: Тихвине, Киришах, Чудове, Острове. На уроках мужества дети задают нам разные вопросы, и мы, как на исповеди, стараемся поделиться воспоминаниями о жгучих и горьких мгновениях прошедшей войны.

Я всегда рассказываю ребятам о той огромной разнице в моих впечатлениях о фашистском воинстве, дошедшем до стен родного Ленинграда: в начале войны — это наглые и опытные вояки, прошедшие под бравурные марши пол-Европы, поднаторевшие в мастерстве убивать, разрушать, а после прорыва блокады — это побитые и жалкие вояки, с которых сбили спесь.

За боевые заслуги многие ополченцы-судостроители и наши армейские фронтовые соратники отмечены высокими наградами. Среди них командир минометного дивизиона 25-го стрелкового полка (потом командир 146-го стрелкового полка) И. И. Котенев, награжденный орденами Красного Знамени (под Киришами)

и Александра Невского (под Новгородом). Иван Ильич — мой муж: там, на войне, мы нашли друг друга, прошли в тяжелых боях всю войну и по мирной жизни вместе большой путь.

Мы были тогда еще совсем молодыми. Но когда, как сказал поэт, «час мужества пробил на наших часах», мы, не колеблясь, сделали свой выбор и встали на защиту Отечества, родного Ленинграда.

В музее судостроительного завода, откуда мы, ополченцы, в 1941 году пошли защищать Ленинград, хранится боевое знамя 25-го полка 44-й стрелковой дивизии.

СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ

44-я Чудовская стрелковая дивизия. Сформирована в июле 1941 года в Ленинграде из добровольцев — рабочих, инженеров, работников просвещения, науки, искусства. Ранее именовалась 3-й гвардейской дивизией народного ополчения. Участвовала в боях за освобождение Тихвина, во взаимодействии с 46-й танковой бригадой освобождала Городище, Рысино, Пчеву. Вела бои под Новыми Киришами (бывшее с. Соляцы), Ларионовым Островом, Жарком. С мая 1942 года участвовала в боевых действиях против Киришского плацдарма немцев. Дивизия длительное время вела бои на территории Киришского района и понесла самые большие потери.

Наш полк почти два года вел бои против Киришского плацдарма немцев.

Местность здесь лесисто-болотистая. Ни одного уцелевшего населенного пункта. Непролазная грязь весной, летом и осенью и суровая зима. Нужно было построить на болотах развитую дорожную сеть для обеспечения подвоза продовольствия и боеприпасов. Полк только своими силами, в труднейших условиях, построил на болоте более 40 км настильных дорог, были вырыты и оборудованы траншеи, блиндажи, огневые точки, построены бани, организовано бесперебойное питание переднего края, снабжение всем необходимым для боя и жизни.

Наш передний край от переднего края противника находился в 70, а местами в 200 м. Требовалось иметь твердый характер, терпение, глубокую веру в нашу правоту и победу, чтобы устоять в невероятно тяжелых, можно сказать, нечеловеческих условиях и подготовиться к успешному наступлению по окончательному разгрому врага.

Стоять в обороне насмерть — дело чести пехоты. Это высшее воинское качество в полной мере проявили бойцы, сержанты, офицеры нашего полка.

Т. П. КОТЕНЕВА,

сандружинница 25-го полка
44-й стрелковой дивизии

Стойкость и героизм проявлялись каждый день. Нужны были изобретательность, точное знание расположения людей на переднем крае, знание режима огня противника и плюс еще личная храбрость, чтобы три раза в сутки доставлять на передний край горячую пищу, не говоря уже о боеприпасах. Подносчики пищи наряду с саперами, артиллеристами и снайперами стали подлинными труженниками войны. Боец Исымбаев, узбек, был одним из популярнейших людей в полку. В течение полутора лет он каждый день по три раза приносил на огневые точки пищу. За это был награжден медалью «За отвагу».

В боях за Киришский плацдарм зародилось в полку снайперское движение. За время боев за Киришский плацдарм снайперами полка было истреблено около 1500 солдат и офицеров противника. Наши снайперы накопили большой опыт в выборе огневых позиций, в тщательной маскировке, в применении хитрых уловок и приемов для обмана противника.

О снайперском искусстве старшего сержанта Пантелеева в полку ходили легенды. На огневой точке, где он был старшим, наблюдение было организовано безукоризненно. Он проявлял недожиганую изобретательность в оборудовании точки. Отсюда в любой момент мог прозвучать точный выстрел. Об этом хорошо знали немцы, поэтому по своим траншеям передвигались только скрытно.

Однажды противник устроил свой наблюдательный пункт, тщательно замаскированный, с перископом — специально для того, чтобы точно скорректировать артиллерийско-минометный огонь по позиции Пантелеева. Но наши снайперы засекли наблюдательный пункт немцев. Пять суток охотился Пантелеев за немецким наблюдателем. И перехитрил его — уничтожил.

Однажды в траншее, где размещалась огневая точка, попали две вражеские мины, были ранены все бойцы. Контузию получил и Пантелеев. Придя в себя, он занес раненых в блиндаж, перевязал их, накормил и напоил. Оставшись один, старший сержант перегруппировал огневые средства, имевшиеся на огневой точке: два ручных пулемета поставил на флангах, автоматы и винтовки построил в бойницах, гранаты разложил в определенном порядке на бруствере. Чтобы обмануть противника, он все время поддерживал режим огня, словно ничего не произошло на огневой точке: под-

ходил поочередно к пулеметам, автоматам, винтовкам и давал длинные, короткие очереди, одиночные выстрелы, а через равные промежутки времени бросал гранаты в сторону противника. Немцы решили, что огневая точка жива и невредима.

Пантелеев хотел доложить о случившемся командиру роты, но телефонный провод оказался порванным. Он пополз по линии, нашел место порыва, связал провод и доложил ротному. Пантелеев находился один на участке 12 часов, убив за это время 6 гитлеровцев, пытавшихся проникнуть на соседнюю огневую точку.

В этот день на наш участок фронта приехала делегация Монгольской Народной Республики. Когда гостям рассказали о героическом подвиге старшего сержанта Пантелеева, они тут же наградили его своим орденом.

На всю 4-ю армию прогремел подвиг группы бойцов численностью 46 человек, которую возглавлял старшина Алексей Меркулов. Во время одной операции группа оказалась отрезанной от нашего полка, с ней была потеряна связь. Бойцы остались без запаса продовольствия, мало осталось и боеприпасов. Восемь суток группа находилась в таком положении, в день отражая по четыре и более атак немцев.

На девятые сутки группа соединилась с полком. Перед позицией наших воинов насчитали более 150 трупов фашистов. Потери наших составили трое убитых и четверо раненых. Боевые подвиги группы А. Меркулова описывались в дивизионной и армейской газетах.

В 1943 году, перед подготовкой к прорыву немецкой обороны, усилились действия нашей разведки. В полку прославился разведчик сержант Третьяков, который добыл немало «языков». Он награжден медалью «За отвагу», орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2 степени.

В разведке участвовала не только пехота.

Артиллеристы оказывали неоценимую услугу в разведывательных операциях. Тщательно разработанные, они включали в себя артиллерийский огонь при нападении и отходе разведчиков. В декабре 1943 года артиллерия полка под руководством капитана М. Б. Кучко была выставлена на прямую наводку для поддержки роты автоматчиков, имевшей задачу захватить пленного. Эта операция продолжалась пять минут, а на подготовку ее затрачено около

двух недель. Но зато боевая задача была выполнена четко и образцово: в плен захвачен немецкий артиллерийский корректировщик, истреблено свыше 30 солдат и офицеров, разрушено 3 блиндажа противника. Командование высоко оценило эту операцию и всех ее участников наградило орденами.

В боях за Киришский плацдарм тяжело ранен был командир стрелковой роты нашего полка лейтенант Иван Дмитриевич Алексеев. Он полностью лишился зрения. Но это не сломило его.

«Литературная газета» от 12 мая 1976 года в очерке «Свет» писала: «Летом 1942 года на Волховском фронте шли тяжелые оборонительные бои. 5 июня во время рукопашной схватки Ивана Алексеевича ранило в голову. Окровавленного командира роты 146 стрелкового полка 44 дивизии вынесли с поля боя почти в безнадежном состоянии. В медсанбате сказали, что ему повезло, не у каждого пуля, вошедшая в висок, каким-то чудом выходит через переносицу. Жизнь 19-летнему лейтенанту удалось спасти, но он навсегда остался слепым.

В глазном отделении госпиталя, где лечились и другие офицеры, потерявшие зрение в боях, Алексеев, любопытства ради, решил попробовать научиться играть на баяне. Почему именно на баяне? Так советовал профессор М. Гелис – зав. кафедрой народных инструментов Киевской консерватории, эвакуированной на Урал. Профессор Гелис обнаружил у своего ученика большие способности и невероятное трудолюбие и решил сделать из него настоящего профессионала-музыканта.

Алексеев изучил нотную грамоту для слепых, построенную на комбинации точек. Овладев нотной грамотой, Алексеев, чтобы разучить произведение, должен одной рукой «читать» ноты, а другой в это время играть, затем это же самое проделывать снова, поменяв руки.

С невероятным упорством учился Алексеев, только что вставший с госпитальной койки, и за год обучения успел усвоить программу, рассчитанную на 4 года обучения.

В 1944 году Алексеев поступил в Киевскую консерваторию и закончил ее с отличием «без всяких скидок на инвалидность».

На первых порах Алексеев занимался исполнительской деятельностью – стал солистом Киевской филармонии, затем закончил ас-

пирантуру, защитил кандидатскую диссертацию, стал первым в стране кандидатом искусствоведения по специальности «баян», начал преподавать в консерватории и написал книгу «Методика преподавания игры на баяне».

Алексеев работал часами напролет до ломоты в спине, до того, что пальцы обеих рук немели. На вопрос, сколько часов в сутки он работает, последовал ответ: «Все время, кроме сна».

Упорный труд приносит свои результаты. Лишенный зрения в боях за Кириши, лейтенант Алексеев защитил докторскую диссертацию, он профессор, заведующий кафедрой в Киевской государственной консерватории. Кроме преподавательской работы, его перу принадлежат десятки изданных работ и книг общим объемом более 250 печатных листов. Это целая библиотека. Его ученики успешно выступали на всеоюзных музыкальных конкурсах, он занимается большой общественной работой».

И еще много хороших слов сказано об удивительном человеке в «Литературной газете».

Киришский плацдарм, роши «Слон» и «Высокая», реки Волхов и Тигоду навсегда запомнили ветераны нашего полка. На этом участке Волховского фронта мы не только устояли, но и хорошо подготвоились к успешным боям по изгнанию фашистских захватчиков с нашей земли и полному разгрому врага в его собственной берлоге.

И. С. ШКОЛЬНИКОВ,

в 1942–1943 годах – капитан, начальник артиллерийского снабжения 146-го полка 44-й стрелковой дивизии

ЭТО НЕЖЕНСКОЕ ДЕЛО – ВОЙНА

Как-то я получила письмо от однополчанина – бывшего комбата 377-й стрелковой дивизии А. А. Запорожца. Он вспомнил о тяжелых боях, о нашей молодости, «...когда мы, не раздумывая, готовы были идти в огонь и воду. Трудно было нам – мужикам, а вам, девчатам, во сто крат труднее. Особенно больно было видеть раненых и погибших девушек... Откровенно говоря, мне стало страшно только тогда, когда я снова увидел эти болота: как же мы, особенно вы, девчата, могли все это выдержать!»

Боевое крещение воины 377-й стрелковой дивизии получили в боях на киришской земле. 27 декабря 1941 года дивизия овладела дер. Леготково, Чирково, Михальцино, Мыслово и начала наступать на пос. Кириши, атакуя с севера и востока. Именно здесь, в ожесточенных боях, наши девушки в шинелях получили боевую закалку, научились бить врага. Не случайно из девушек, участниц боев под Киришами, была позже сформирована снайперская рота, на счету которой сотни и сотни уничтоженных захватчиков. Вспомним хотя бы о некоторых из них, отличившихся особой храбростью.

Аня Васильева до войны работала на одном из заводов Воронежа. Веселая, участница самодеятельности, она с увлечением занималась физкультурой, стрелковым спортом.

Грянула война. Ане только что исполнилось 20 лет. В первый же день она подала заявление в военкомат с просьбой послать на фронт. Ей отказывали, но настойчивая девчонка добилась своего. Направили ее в снайперскую школу.

И вот на передовой. Тщательно готовилась Аня к первому выходу на «охоту» за гитлеровцами. Заранее подготовила свое «рабочее место». Из хорошо замаскированного окопа внимательно наблюдала в оптический прибор за противником. Только к вечеру она увидела первого немца. Мгновенье и перекрестье оптического прицела замерло чуть ниже каски с черной паучьей свастики. Раз-

дался выстрел. Сраженный гитлеровец ткнулся носом в снег. Так начала свой боевой счет Аня Васильева.

Вскоре Аня получила письмо, которое принесло весть о непоправимом горе: от немецкой бомбы погибли ее мама и сестра. Ее сердце закипело от ненависти к фашистам. Выйдя в очередной раз на свой боевой рубеж, она уничтожила двух гитлеровских солдат и офицера.

Аня попросила командира батальона перевести ее в разведку. Комбат подумал и ответил, что надо получить разрешение старшего начальника и добавил:

– Куда тебе, это даже для мужчин нелегкое дело.

Но девушка не отступала от своего, и через несколько дней комбат сообщил:

– Разрешение есть. Но я хочу еще раз напомнить, что это не девичье дело.

– Знаю, что нелегко. Но постараюсь справиться, – ответила Аня.

– Ну, если так, то попробуем. – И, улыбнувшись, продолжал: – Только смотри, как бы тебя фрицы не утащили. Уж больно ты привлекательная.

Через несколько дней Аня приняла участие в первом ночном поиске. Действовала уверенно, хладнокровно. И потом много раз принимала Аня участие в дерзких нападениях разведчиков на позиции противника, в захвате «языка».

Однажды перед разведчиками поставили задачу: форсировать водный рубеж, разведать подступы к одной из деревень и взять «языка». Под покровом ночи разведчики переправились на противоположный берег реки. Противник открыл огонь, но он не причинил вреда разведчикам.

Командир группы лейтенант Андреев дал команду для начала действий. В составе группы была и Аня. Разведчики по лесу, прилегающему к деревне, начали осторожно обходить деревню. Вышли к наметченному месту действий удачно. Командир оставил несколько бойцов для прикрытия, а сам с Карповым, Антоновым и Аней начал приближаться к окраине деревни. Осмотрели один дом, другой – никого не обнаружили. Тем временем Аня пошла к следующему дому. Резко открыла дверь, шагнула вперед. Перед ней стоял ошеломленный немец.

— Хэндэ хох! — крикнула она, направив на гитлеровца дуло автомата. Солдат поднял руки вверх, ртом он судорожно глотал воздух. Подоспели свои разведчики, Аня обыскала пленного, забрала оружие и документы.

На допросе немца спросили, кто его взял в плен. Он ответил, что его пленила хорошенькая девушка. А наши ребята разведчики восхищенно говорили Ане:

— Молодец. Такого борова схватила.

Как сложилась дальнейшая судьба Анны Николаевны Васильевой, неизвестно, хотя мы долгие годы разыскивали ее.

О каждой из наших девушек, получивших боевое крещение под Киришами, можно было бы много рассказать. Все они не жалели своих сил и здоровья, даже жизни ради победы над немецкими захватчиками. Разве забудется, когда Маша Смирнова (ныне Короткова) и Шура Морозова в момент контратаки врага, не сгибаясь под пулями, вели огонь по фашистам, воодушевляя своим примером бойцов батальона. Сейчас они живут в Ленинграде. Шура Морозова — инвалид войны: она потеряла ногу, а Маша имеет тяжелое ранение обеих ног.

Невозможно забыть павших смертью храбрых девушек нашего полка: Тасю Фомину, Полло Антонову, Раю Васильеву, Машу Журину, Шуру Рогову.

Наши девчата-снайперы были не только отважными в бою. Хотелось бы привести такие строки из стихотворения Володи Раткевича:

Однажды снайперская рота
Спасала «грешную» пехоту,
Которая, признаюсь честно,
Попятилась назад.
Врагов задержана лавина,
Но и девчат осталась половина.
Немало видел я боев,
Но этот был страшнее снов.

А. И. ФЕДОРОВА,

снайпер 377-й стрелковой дивизии

ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ

Служба моя началась в саперном батальоне, который строил дороги в волховских лесах. А нам, девчонкам, хотелось бить фашистов. Вскоре нас пригласили на курсы снайперов.

Учеба в запасном полку началась под командованием полковника Пыхачева, а командиром нашего взвода был лейтенант Владимир Малюфеев. Он требовал выполнять так, как записано в уставе, и старался привить нам точность и пунктуальность. Учиться мне было тяжело: до армии окончила всего два класса. Но старание и помощь подруг позволили освоить боевое оружие и снайперское дело.

На передовую, проходившую по берегу Волхова, мы прибыли в 1943 году. Первый раз на «охоту» вышли вместе с напарницей Шурой Шавериной. Пробрались к первым траншеям по жердочкам, а справа и слева тянулось болото до дубовой роши. Пришли на точку, где нас ожидали с местностью. Мы были вооружены снайперскими винтовками с оптическими прицелами. Это было такое оружие, из которого мы на учениях поражали цели без промаха.

Никогда не забуду свой первый выстрел.

С напарницей мы стали внимательно наблюдать за противоположным берегом реки Волхов. В середине дня появился фашистский солдат.

— Стреляй! — шепнула мне Шура.

Когда я увидела в прицеле живого человека, мне стало страшно: как это стрелять в него? Несколько секунд заминки — солдат скрылся. Я так и не успела сделать свой первый боевой выстрел. Расстроилась: что же скажем командиру?

Но доложили командиру правдиво. В ответ лейтенант предупредил, чтобы больше такого случая не было. И добавил: они наших ребяташек и стариков не жалуют, расстреливают и отправляют в душегубках. Так что не упускайте случая уничтожить фашиста.

На другой день мы снова пошли на свою точку и стали наблюдать за расположением противника. Наш беспокойный командир часто выходил из своей землянки и наблюдал за нашей «охотой». Он был единственный, кто видел, как мы с Шурой неотрывно смотрим в оптический прицел или бинокль. И вот, наконец, видим, как немецкий солдат ползет к берегу Волхова. Потом встал и в этот момент моя подруга Шура выстрелила. Фашист только взмахнул руками и навсегда рухнул на землю.

На следующий день мне удалось уничтожить перелезающего солдата. Это был мой первый выстрел по врагу, достигший цели.

Вспоминаю 6 октября 1943 года, когда мы, наступая, вышли к реке Тигода. Было очень много раненых. Мы все, как один, взялись за выполнение приказа комбата майора Базыма и всю ночь выносили раненых солдат и командиров.

В те дни погибла Маша Кремнева – пуля попала в голову нашему снайперу, которая на фронте была всего 14 дней. Как мы все переживали смерть подруги! Потом хоронили Лиду Петрову, Фросю Подукову, мою подругу Шуру Шаверину, Таню Жукову, которая убила 36 фашистов. На моем счету 24 врага. Нас, снайперов, наградили медалью «За отвагу» и знаком «Отличный снайпер».

Потом воевали в Прибалтике. Меня ранило, лежала в госпитале. После выздоровления попросилась в свою родную часть. Мне удалось найти свой полк. Я представилась начальнику штаба, который назначил меня санитарструктором.

Мы все тогда хотели быстрее закончить войну, но не всем удалось дожить до дня Победы.

Е. И. ЧИСТОВА,

*снайпер 305-го полка
44-й стрелковой дивизии*

КАЖДАЯ ПЯДЬ ЗЕМЛИ ПОЛИТА КРОВЬЮ

В ночь со 2 на 3 июня 1942 года усиленная стрелковая рота нашего полка приняла от полка соседней дивизии участок обороны западнее опушки роши «Молот» в районе деревни Новинка. Разведка обнаружила, что подступы к Новинке заминированы, противник вел инженерные работы на своем переднем крае.

В течение 3 июня была проверена боевая обеспеченность подразделений: все бойцы имели на руках по 120 патронов, две гранаты, шанцевый инструмент. В рядах полка состояло к началу операции 2 103 человека. К 4 июня все подразделения полка вышли на исходные позиции.

Начавшаяся 4 июня в 17.00, как было предусмотрено планом боя, артиллерийская подготовка возвестила о начале операции по овладению Киришским предместным укреплением противника (Киришский плацдарм).

44-я дивизия имела задачей наступление на деревни Новинка, Плавницы и Кириши с юга с последующим выходом на берег Волхова – к железнодорожному мосту. Сосед справа 310-я стрелковая дивизия наступала вдоль железной дороги – на станцию Кириши-Добровольный. Конечная цель операции – разгром правобережной группировки противника и ликвидация Киришского плацдарма. С пехотными соединениями взаимодействовали две танковые бригады. Действия наземных войск должны были быть поддержаны ударом с воздуха нашей авиацией.

Гул артиллерийской канонады нарастал. Постепенно в огневой бой вводились тяжелые орудия. Все чаще следовали друг за другом раскатистые залпы «катуш». Кульминация мощности артогня достигла к рассвету 5 июня. Полковые 45 и 76 мм пушки били прямой наводкой по переднему краю немцев, по его долам в дер. Новинка и Плавницы. Сплошные минные поля перед Новинкой были разбиты снарядами наших снарядов. По показаниям пленных, неожиданный мощный удар советской артиллерии

нанес фашистам большие потери и подействовал на них ошеломляюще.

В 6.30 утра 5 июня вслед за танками пошли в атаку стрелковые батальоны. Стремительным ударом 1-й батальон, шедший первым эшелоном, овладел Новинкой. Первой в деревню ворвалась 2-я рота под командованием младшего лейтенанта Белоуса. Окопы и блиндажи были завалены трупами мертвых фрицев – плоды работы нашей артиллерии. Деморализованные и напуганные, фашисты группами поднимали вверх руки и сдавались в плен нашим бойцам. Сопротивлявшиеся уничтожались в яростных рукопашных схватках. Часть немцев пыталась вплавь спастись через Волхов, но была встречена огнем своих же пулеметов с западного берега. Через 30 минут Новинка была полностью в наших руках. Группы пленных таянулись под охраной наших бойцов к штабу дивизии.

Командир 76 мм орудия старший сержант Чубабрия получил приказ передвинуться на новую огневую позицию – в только что занятую деревню Новинка. На прицеле у танкетки орудие выскочило из-за укрытия и помчалось по открытой поляне к деревне. Фашисты, заметив его, обрушили на него ураганный огонь. Из строя сразу же вышли наводчик Кулевацкий и заряжающий Подолёв. Чубабрия с пистолетом в руке бросился вперед, увлекая за собой расчет, но сразу же упал, сраженный автоматной очередью. Так погиб смертью героя любимец батареи смелый воин, юноша-студент Чубабрия.

Жестоко отомстили врагу за смерть своего товарища артиллеристы. Наткнувшись на брошенную в д. Новинке 105 мм немецкую пушку, в полной исправности и с боеприпасами, командир батареи ст. лейтенант Галушко, ст. сержант Четкин и ст. лейтенант Запорожец здесь же, не без труда, развернули ее и выпустили несколько десятков снарядов по убегающим фашистам.

На плечах бежавших из Новинки остатков вражеского гарнизона наши бойцы, вслед за танками, ворвались в деревню Плавницы. Противник стал спешно перегруппировывать остатки своих сил, еще сохранивших боеспособность, перебрасывать на лодках резервы с западного берега Волхова. Огонь его артиллерийских и минометных батарей, бивших с того берега, все усиливался. Сопротивление противника возрастало.

Бой за деревню Плавницы разгорался. Фашисты зацепились на северных и западных окраинах деревни, засели в отдельных домах и вели сильный огонь из пулеметов и автоматов. Ряды наших бойцов редели.

146-й полк, который должен был развить успех 305-го стрелкового полка и вступить в бой с противником через его боевые порядки, запаздывал. К 17.00 над полем послышался гул моторов: до 20 тяжелых немецких бомбардировщиков, брошенных на поддержку своих смятых, терявших боеспособность частей, начали неистовую бомбежку по всей площади боевых порядков полка. Один за другим пикировали бомбардировщики на КП полка, выдвинувшийся вслед за продвижением наших рот в деревню Новинка. Волна за волной группы желтокрылых самолетов бомбили наш передний край, танки и огневые позиции артиллерии. Одновременно били фашистская артиллерия и минометы. К вечеру небольшая группа уцелевших наших бойцов оставили Плавницы.

В первые же часы боя 5 июня полк понес тяжелую утрату. Разрывом вражеской мины был убит комполка подполковник Вениамин Васильевич Тычкин. Он воевал в Гражданскую войну. За боевые заслуги в войне с белофиннами 1939–1940 годов награжден орденом Красной Звезды.

В первые месяцы Отечественной войны Тычкин, как многие тысячи ленинградцев, вступил в ряды народного ополчения и служил в штабе 3-й гвардейской дивизии. С ноября 1941 года командовал 305-м полком 44-й стрелковой дивизии. За Тихвинскую операцию он награжден вторым орденом Красного Знамени. Его образ храброго, культурного командира, всегда спокойного и выдержанного, обаятельного в общении с людьми, сумевшего завоевать всеобщее уважение, любовь своих подчиненных навсегда останется в памяти всех знавших его.

Смертью храбрых пал в бою 5 июня командир 2-го стрелкового батальона капитан Круглов. Ранены и эвакуированы комиссар полка Грицкевич, командир 2-й роты мл. лейтенант Белоус и мл. политрук Мосичкин и другие офицеры полка.

Противник в этом бою тоже понес огромные потери. Свыше 100 пленных было взято в этот день только на участке 44-й дивизии. Цифра потерь убитыми и ранеными превышает многократно

это число. Линия обороны, считавшаяся противником непреодолимой, была прорвана, боевой дух уцелевших гитлеровцев подорван.

Если успех дня не удалось довести до полного уничтожения правобережной группировки противника и ликвидации его плацдарма, то причиной этому, в значительной мере, послужило отсутствие в этот день нашей авиации, предусмотренной планом боя, полное господство в воздухе над полем боя авиации врага и эффективность ее действий.

Бои за Киришский плацдарм приобрели затяжной, позиционный характер. В течение трех месяцев, истекших после 5 июня, 305-й стрелковый полк все время находится на передовой, то занимая оборону, то атакуя позиции противника, шаг за шагом сжимая железное кольцо вокруг его позиций и настойчиво овладевая важными тактическими рубежами – рощами «Круглая» и «Слон», химвкомбинатом.

Не раз фашисты пытались вернуть себе утраченные ими рубежи, но всякий раз терпели неудачу.

В ходе месячных упорных боев немцы несли большие потери. Только снайперы полка за июнь-июль уничтожили полторы сотни фашистов. Сотни их погибли от залпов наших «катюш», от огня нашей артиллерии, пулеметов, стрелков. Груды разлагающихся вражеских трупов зарыты в землю нашими бойцами, очищавшими воздух передовой от зловония. Каждая пядь Киришского плацдарма пропитана кровью павших гитлеровцев. Большие потери нес и наш полк.

Навязывая врагу тяжелые, изнурительные бои, расшатывая его оборону, наши бойцы и командиры готовили почву для решающего сокрушительного удара, который освободит берега древнего Волхова от фашистских захватчиков.

А. В. ПОМАРНИЦКИЙ,

рядовой 305-го полка 44-й стрелковой дивизии

ТОЛЬКО ОДИН ДЕНЬ

Разведывательные данные артиллеристов подтверждали, что противник на Киришском плацдарме создал глубоко эшелонированную оборону с разветвленной сетью траншей, ходов сообщения и хорошо замаскированных огневых средств, включая зенитные батареи. Артиллерия средних и крупных калибров немцев располагалась на западном берегу реки Волхов. К началу наступательных операций по овладению плацдармом противника наши артиллеристы имели необходимые данные о расположении огневых средств противника.

5 июня 1942 года рано утром артиллерия и дивизионы «катюш» открыли огонь по противнику. Это был огненный смерч. По условному сигналу начали наступать танки, а за ними – пехота. В динамике боя чувствовалась роль артиллерии, которая подавила и уничтожила большое количество огневых средств противника.

Командир артполка Обнорский и другие артиллерийские командиры вели наблюдение за полем боя с чердаков деревянного строения на восточной окраине деревни Плавницы, внося необходимую корректировку в ведение артогня по ходу боя. Орудия сопроводили огнем пехоту, подавляя узлы сопротивления противника. Погرافы и взвод управления двинулись в боевых порядках пехоты под моим командованием. Свой наблюдательный пункт мы заняли на юго-западной окраине деревни Плавницы.

Память сохранила некоторые эпизоды этого тяжелого боя.

Вот под огнем противника несут раненого командира дивизиона Фрейдкова. Ранение тяжелое, он страдал от боли, но меня узнал. Я наклонился, он взял меня за руку и дал понять: прощайте, боевые друзья... Обнорский получил ранение лица, но остался в строю. Ранение Фрейдкова, Обнорского и других – результат прямого попадания снаряда в дом, с чердака которого вели наблюдение в стереотрубу артиллеристы. Яркий солнечный день, а маскировкой пренебрегли, и вот печальный конец с ненужными жертвами.

Фрейдков был храбрым командиром. Не забуду, как однажды во время рекогносцировки переднего края противник вел интенсивный пулеметный огонь, и я невольно наклонял голову вниз. Видя это, он сказал: «Не наклоняйте голову, Илья Иванович, — пули, предназначенные для вас, мимо не пролетят».

Командир огневого взвода Павлов для корректировки огня своих орудий выбрал наблюдательный пункт на отдельном стоящем дереве. Успех был достигнут: метким огнем орудий пехотным подразделениям врага, которые стремились вернуть потерянные позиции, был нанесен большой урон, а оставшиеся в живых в панике убежали на исходные позиции. Но не суждено было Павлову радоваться успеху. Прямое попадание снаряда в Павлова оборвало его жизнь. На ветвях дерева остались висеть остатки ремней португали командира огневого взвода. Останки тела храбреца были погребены на опушке рощи южнее деревни Плавницы.

На поле боя произошел невероятный случай, который мог бы кончиться трагически для командира огневого взвода Захарова. Выполняя приказ командира, Захаров с ходу установил орудия на огневой позиции. Но подвозка и подноски боеприпасов задерживалась. Чтобы ускорить доставку снарядов к орудиям, он побежал навстречу повозке со снарядами. Заместитель командира штабной батареей по политической части расценил это как бегство с поля боя и доложил об этом офицеру смерща Самбирову и начальнику штаба артиллерии дивизии А. Н. Обнорскому.

Дело могло принять непоправимый оборот: трусость, проявленная во время боя, считалась предательством. Обнорский никогда не терял самообладания и действия Захарова он объяснил сложившейся боевой обстановкой. Доводом послужила храбрость Захарова, проявленная им под Тихвином, когда ему пришлось отражать прямой наводкой атаку пехоты противника.

И все же Захаров был откомандирован из полка в другую часть, и во второй половине дня противник, перегруппировав силы, при поддержке бомбардировочной авиации и артиллерии пытался вернуть потерянные позиции. Неся большие потери в людях и технике, подразделения нашей дивизии стойко обороняли занятые рубежи. Осколками разорвавшейся бомбы были убиты мои три артиллерийских разведчика.

С наступлением ночи стороны вели пулеметный и автоматный огонь по подступам к переднему краю. Утром командный пункт командира полка во главе с Обнорским расположился в немецком блиндаже на северной окраине деревни Плавницы. Мне и моим оставшимся в живых было приказано находиться в боевых порядках пехоты с задачей вести наблюдение за действием огневых точек противника и сосредоточением прибывающих немецких подкреплений. В середине дня появилась фашистская авиация, которая начала бомбить позиции наших подразделений. Усилился артиллерийский огонь батарей врага, которые были переброшены с других участков фронта. Наша пехота с большими потерями начала отходить на новый рубеж обороны.

Автоматчики противника просочились на западную окраину Плавниц, ведя отсечный огонь, обошли наш наблюдательный пункт и командный пункт командира полка. Это очень осложняло наше положение. Немецкие снайперы вели прицельный огонь.

Мы сосредоточились в блиндаже, где находились Обнорский и связисты. В это время в блиндаж ворвался один из офицеров и доложил Обнорскому, что нас окружает противник. Нам ничего не оставалось, как воспользоваться ходом сообщения, который тянулся по всей территории Плавниц с севера на юг. Под огнем противника, переступая через тела погибших в бою, продвинулись на южную окраину Плавниц в траншею, ранее бывшей передним краем противника. При отходе был убит смелый разведчик Рукавишников. Мы отделились вмятинами на касках. Кусок жесткого грунта попал Обнорскому в рану, полученную накануне.

Для восполнения потерь по приказу командира дивизии на передовую были присланы из тыловых подразделений бойцы. Среди них оказался помощник начальника санчасти (фамилию не помню). Знаю, что до войны он был скрипачом в оркестре театра оперы и балета им. Кирова (теперь Мариинский).

Учитывая потери, понесенные во взводах управления, я принял решение у Обнорского оставить у себя в качестве разведчика Батырева. Моя просьба была удовлетворена. В траншее находился и старший топограф 122-го артполка М. К. Степановский, который во время привязки батарей под огнем противника не раз смотрел смерти в глаза. Артиллерийский обстрел и падающие бомбы с

ревунами (специальные насадки в виде труб) на стабилизаторах сотрясали землю. Несколько раз нас заваливало в траншеи землей. Так закончился еще один день боев за Киришский плацдарм. До конца войны таких тяжелых, кровопролитных боев было много. Очень много.

ГЛАЗА И УШИ «БОГА ВОЙНЫ»

В боевых действиях на территории Киришского района, как и во всех сражениях Великой Отечественной войны, важнейшую роль играла артиллерия – признанный «бог войны». В обороне и наступлении артиллерия решала двуединую задачу: разведка и поражение целей. Успех в решении этих задач находится в прямой зависимости от артиллерийской разведки, которую образно называют – глаза и уши «бога войны». Как это выглядело на практике в конкретных боевых условиях под Киришами, хорошо показано в статье «Шестая батарея» бывшего командира этой батареи, ныне подполковника в отставке Н. Н. Дулова.

Я бы хотел более детально рассказать об организации артиллерийской разведки, чтобы современный читатель понял, почувствовал, насколько это сложное дело, требующее специальных знаний, изобретательности и, наконец, мужества.

Организационно артрязведка тогда входила в виде структурных подразделений в состав артполков, арtdивизионов, артбригад и арtdивизий. Кроме того, были артиллерийская инструментальная разведка, в которую входили разведывательные арtdивизионы с батареями оптической, топографической и звукометрической разведки, а также взводы метео- и фоторазведки.

Все это наземные средства разведки. Но в составе разведки были и воздушные: отдельные разведывательные авиационные полки или эскадрильи, воздухоплавательные дивизионы аэростатов артиллерийского наблюдения. Эти средства подчинялись штабу артиллерии фронта и придавались армиям для решения задач разведки в интересах артиллерии того или иного операционного направления.

Войсковая артрязведка осуществлялась с помощью биноклей, стереотруб, перископических артиллерийских буссолой. Они размещались на НП непосредственно на переднем крае обороны в 200–300 метрах от первых траншей. Наблюдение за противником велось круглые

И. И. ЛУКЪЯНЧИКОВ,

*начальник артиллерийской разведки
122-го артполка 44-й стрелковой дивизии*

сутки. Обнаруженные цели фиксировались и наносились на топографическую карту или разведпланшет, затем определялись их координаты. Широко применялась и такая практика. Параллельно фронту обороны выставлялся еще один НП и таким образом формировалась база, обеспечивавшая сопряженное наблюдение, позволявшее с помощью оптических приборов засекать обнаруженные огневые точки, траншеи, НП, а также стреляющие артбатареи противника.

Засечка батарей противника в глубине его обороны – в районе Посадникова Острова, Ларионова Острова, западнее реки Тигода и д. Водосье Чудовского района – осуществлялась с НП, расположенных в 3–5 километрах от нашего переднего края, которые устраивались на тригонометрических вышках, построенных геодзестрами еще в мирное время. Широко практиковалось устройство НП артразведки на деревьях.

Для засечки артбатарей врага использовался отдельный воздушноплавательный дивизион аэростатов, который базировался в 16–18 километрах южнее Киришей. Аэростат поднимался на высоту 150–200 м и более, с него хорошо просматривалась на значительную глубину оборона врага, его огневые средства. Каждый подъем аэростата – с нового места. Надо сказать, что это связано с большой опасностью быть обстрелянным противником. Автор этой статьи, будучи начальником разведотделения штаба артиллерии 4 армии, неоднократно поднимался на аэростате, чтобы нанести на карту обнаруженные батареи врага. Признаться, что ощущение были не из приятных, так как через 6–7 минут после подъема противник начал обстрел аэростата бризантными гранатами, которые взрывались в воздухе.

В составе артразведки действовали группы так называемых «осколочников». Эти необычные специалисты по воронке определяли примерное направление на цель, а по осколкам точно определяли калибр орудия или миномета противника. Знатоком по части осколков был ныне здравствующий сержант Г. Кутюмин. Он мог также по записям колебаний на звукометрической ленте установить и калибр орудия, различал выстрел пушки и гаубицы. По осколкам же определялись сроки выпуска немецких снарядов.

Под Киришами впервые был применен уникальный фотоаппарат с фокусным расстоянием 3000 мм для фотосъемки переднего края противника с расстояния 0,5–1,5 км. Фотокадры с 6–30-кратным увеличением монтировались в виде панорамы. На ней дешифровались обнаруженные цели, проволочные заграждения, наносилась угломерная сетка для целеуказания. Такого аппарата не было ни в немецкой, ни в американской армии. Позже он активно применялся в период подготовки к прорыву блокады Ленинграда.

Успешно артиллерийскую разведку могли вести только образованные, инициативные офицеры, сержанты и солдаты. И отбору таких людей в частях придавалось большое значение. Не зря артразведчиков называли интеллигентней артиллерии. Отлично рекомендовали себя в 44 сд помощник начальника штаба по разведке 122-го артполка И. И. Лукьянчиков, помощники начальника разведотделения штаба артиллерии 4-й армии ст. лейтенант Ч. Ториллов и капитан Э. Ткачев. Лейтенант А. Вайсберг, выпускник Ленинградского государственного университета, работавший в лаборатории видного советского ученого П. Капицы, исследователя космических лучей, хорошо проявил себя в 797-м отдельном разведывательном артдивизионе. После войны А. Вайсберг – доктор физико-математических наук, руководитель лаборатории ядерных исследований.

Очень заметной фигурой в дивизии был командир 122-го артполка А. Обнорский – умный и храбрый человек. Он, как говорится, не кланялся пулям врага, любил говорить: «Пуля летит – мимо летит; свист той, что в меня попадет, – не услышу».

Образцом в организации разведки в минометном дивизионе был И. Котенев. Грамотно и отважно трудились в артразведке капитан П. Голушко, командир взвода разведки Ю. Недобров, разведчики 122-го артполка И. Лайфер и А. Егращивев, разведчица Е. Яблокова, командиры батарей капитаны В. Ульяницкий и Н. Дулов и многие другие.

Трудно, очень трудно было, но выстояли и одержали великую Победу.

П. В. МУШТАКОВ,

полковник

ПЕРЕПРАВА

Имя командира 16-го мотострелкового батальона 16-й танковой бригады капитана Александра Григорьевича Кирьяшина было хорошо известно тем, кто воевал под Киришами. Боевые операции с участием этого батальона были высоко оценены командованием Волховского фронта, о них говорится в мемуарах маршала К. А. Мерецкова.

А. Г. Кирьяшин погиб, когда ему едва исполнилось двадцать пять лет. Похоронили его у дороги, ведущей из Будогощи в Оскуй.

Военный журналист М. Д. Казачинский, знавший лично капитана, рассказывает об одной из боевых операций, проведенных батальоном Кирьяшина под Киришами.

* * *

Они опять вернулись к берегу Волхова. Полгода прошло с тех пор. Тогда, в октябре сорок первого, танкисты и мотострелки спешно двинулись к месту, где прорвался враг, сопровождаемые ранним снегом, холодами.

Времена изменились, и характер военных событий вместе с ними. Бои стали еще более ожесточенными. Удары наших войск продолжались вместе с наступлением животворного тепла, белых северных ночей.

...Машина остановилась в лесу, перед крутым спуском.

Из придорожного окопа послышался голос:

— Комбат впереди. Приказано сосредоточиться в соснячке, направо.

— Противник рядом. Не звенеть оружием! — мелькнула между кустами командирская фуражка. — Взвод управления — за мной!

Политрук Грановский пружинисто прыгнул на землю. Размялся. В ожидании прибытия остальных подразделений батальона решил сориентироваться в незнакомом районе.

Лесная тропинка вела в направлении артиллерийско-минометной и ружейно-пулеметной стрельбы. С высокого обрыва открывался вид на широкую многоводную реку.

Противоположный берег темный, покрытый смешанным лесом. Низко стелились ближние и дальние дымы. Перекатные звуки недалекого боя замирали.

«Застой, — думал политрук, взбираясь на причудливо изогнутый сук старой сосны. — Не нам ли предстоит внести здесь оживление? — Прикинул глазом ширину водного пространства: не менее 400 м. — Ничего себе! Куда же нас занесло и зачем?» — мысленные вопросы относились к топографической карте, развернутой на целлулоиде планшета.

Сопоставление с местностью привело к любопытным догадкам.

За спиной, на востоке — крупный населенный пункт Оскуй. Справа — Кириши, мощный узел сопротивления противника, укрепленный им еще зимой с использованием кирпичных и железобетонных сооружений вокруг железнодорожного моста через Волхов. Напротив, в 7–15 км западнее Волхова, те же печально известные деревни Березовик, Липовик, Дубовик, под которыми атаки мотострелкового батальона не увенчались успехом. Неделю назад мотострелки передали свои позиции соседям-пехотинцам, а сами погрузились в эшелон на ст. Глажево и ушли на север.

«Выходит, — рассуждал Грановский, — что батальон исколесил несколько сот километров по железной дороге, лесным заболоченным проселком и прибыл к прежнему району действий с востока. Если бы не лес, то Березовик был бы виден в бинокль. Отсюда само собой напрашивалось: форсированием Волхова и ударом на Березовик отрезать Киришский выступ, уничтожить в нем противника и тем самым открыть движение по железной дороге через р. Волхов на Жарок, Погостье, Малуксу... А дальше рукой подать до Мги, Ленинграда. Удалось бы только напрянуть внезапно»...

Грановский легко и бесшумно прыгнул на землю. Его неказистая фигура исчезла в прибрежных кустах.

Из-за кустов рябины показались двое: размеренно и широко шагавший высокий капитан Кирьяшин, а рядом, вприпрыжку, стараясь не отставать, приземистый лейтенант пехотинец. Грановский

догадался: представитель местной стрелковой части вводил в курс дела командира мотострелкового батальона.

— Воспользуемся затишьем... Нечего ждать всех людей. Да и лодок мало... Начнем переправу немедленно, — на ходу, в такт шагам, рубил капитан. Увидев Грановского, обрадовался: — А, политрук здесь... Отлично. Включай свой актив в состав авангарда и без шума скатывайтесь к реке. Там твой воспитанник — разведчик Терновой возглавляет речной транспорт. Проследи, чтоб люди брали с собой только боеприпасы.

Через несколько минут командование батальона, бойцы взвода управления сосредоточились в густом лозняке и на зыбких деревянных подмостках.

Рядовой Терновой, вычерпывая котелком воду из лодки, говорил Грановскому:

— Неожиданно меня перевели из бригадной разведки к вам. Не думал, что через полгода мы на водном пути свидимся... — и наклонился к уху политрука, — под Синявином вы мне не дали утонуть на суше, а здесь я вас переправлю на тот берег, и ног не замочите.

— Довольно черпать, а то в пути доски рассыхнутся, — вмешался Кирьяшин. — Садитесь. Поблаженствуем. Езда по круглякам настилов, колдобинам, промоинам все кишки вымотала, печенку чуть не отбила.

Капитана кто-то поддержал, ругнув заодно утомительные мытарства по железной дороге.

Кирьяшин игриво кивнул через плечо в сторону западного берега: — Сейчас, как лебеди, плавноенько скользнем. Река — чистое зеркало. А там, в зеленом тенечке, отдохнем на славу.

Никто не ответил. Все представляли, о каком отдыхе шла речь. Комбат как-то несерьезно, по-мальчишески, торопил бойцов. Поглядывал вверх. На светло-синем небе солнце заканчивало свой дневной путь, приближаясь к вершинам задымленного леса.

Концентрические блестящие кольца волн достигли противоположного берега прежде, чем из утromo-враждебной глубины леса послышался зловеющий гул.

— Опоздали... — увидели бойцы до странности торжественную улыбку на лице комбата. Растерянный вид некоторых из них вынул капитана строго добавить, — не мы, а они поймали дохлую

ворону, — кивнул он в сторону артиллерийского грохота и отрывисто скомандовал: — Прыгай в воду! Бегом в лес! Справа осторожнее — не задевать огнем своих.

Даже те, кто хорошо знал Кирьяшина, поражались той быстроте, с которой менялись выражения его лица. Иные, не успев отойти от страха, подражая беспешашной, развязной веселости капитана, опять мрачнели, принимали официальный вид, потому что комбат вдруг посуровел.

Дно лодки зашуршало о речной песок. Громко захлопала вода. Мотострелки, нагруженные оружием, боеприпасами, военным имуществом, выбирались на илистый берег и бежали в зеленые заросли.

Над головами — свист вперемежку со звуком, похожим на бульканье жидкости в сосуде. В реке — плюх! плюх! И сразу в сопровождении глухого, подспудного грохота, поднялись вверх всокиие белые фонтаны. В дожде брызг переливались все цвета радуги. Снопь водяных искр подпирала снизу черные, рваные столбы речного ила. Река, бывшая за минуту до этого спокойной, встрепенулась, тяжело заколыхалась, забила мощной грудью о берега. В воздухе шуршали осколки. Невидимая смерть в поисках своих жертв с треском вламывалась в кусты, прошивала ветви деревьев, врызалась в намывную косу из песка и гальки.

Берег вмиг опустел. Только веселые распластались на песчаной отмели, пряча головы под бортами лодок, да Кирьяшин не мог наговориться с Терновым. Оба выделялись высоким ростом, широко расставив ноги, они, бросая вызов громоподобному треску снарядов, жестикулировали:

— Весь свой караван судов гони обратно. Смотри мне, чтоб люди были целы... И сам не торчи на виду, как сосна. Марш в укрытие!

— Разрешите прихватить в реке глушеного леща?

— Не разрешаю! Приказываю: кататься с ветерком через реку взад-вперед до тех пор, пока не переправишь весь батальон.

Началась переправа. Лодки отделились от лозняка, вышли на широкую водную гладь и неслышно врезались в черные зубчатые тени, деформируя их. Только слабый скрип уключин и легкий плеск

весел нарушали напряженную тишину. Движения вперед по ровной, спокойной реке почти не ощущались. Это возбуждало нетерпеливое желание как-то увеличить скорость. А взгляд, брошенный назад, вызывал холодок на спине: восточный берег все-таки удалялся. Придется ли еще когда-нибудь ступить на него?

Мотострелки без промедления перешли в наступление широким фронтом. Сразу был установлен контакт с немногочисленным подразделением пехотинцев.

— Здесь еще нет четкой линии фронта, — информировал командир роты. — В лесу бродят группы гитлеровцев. Надо разобратся. — Ясно. Орлы! Охватить плацдарм как можно глубже и шире. Потом разберемся, — распорядился капитан Кирьяшин. — Связисты, обеспечьте продвижение вслед за ними тех мотострелков, которые будут прибывать с восточного берега. Остальные — за мной.

Лес огласился ружейно-пулеметной стрельбой. Вначале трудно было понять, кто и куда стрелял. Потом в зарослях стали отчетливо мелькать темно-зеленые фигурки врагов.

— Комсомол, берегись слева, сейчас чесанет, вишь, прилаживается. Упреди бандита. И рядом спрятались за стволом. На шевеление в кустах не обращай внимания — это моя групповая цель... — без умолку ориентировал, требовал, приказывал комбат.

Из-за дерева вынырнула чужая тень. Затем показалась диковинная фуражка с привязанными к околышу березовыми ветками. Грановский разразился длинными очередями из автомата. В створе стрелка и цели осыпалась с рыжей сосны кора, брызнули белые щепки, а у ее подножья — недоуменное лицо старшего политрука Зобнина:

— Сынок, свет мой, поаккуратнее. Я к тебе на выручку, а ты в меня палишь.

— Павел Петрович, хлопотливая твоя головушка, не шастай впереди стволлов, — начал Кирьяшин и, затаив дыхание, — трр-р-р-р! из автомата.

Под вечер батальон натолкнулся на завалы, кучи бревен, дерево-земляные сооружения, из-за которых организованно хлестнули ливни свинца.

— Мы прошли всего 700 м, с напускным недовольством заметил Кирьяшин. — Маловато. Чтоб взять больше, надо сначала этот ру-

беж укрепить. Окапывайся! Пока светло, осмотримся, разведем, что творится слева, справа.

Мотострелки приступили к укреплению захваченного плацдарма. Когда поздно ночью была закончена переброска всего батальона на западный берег Волхова, капитан Кирьяшин во всеуслышание подчеркнул объяснил:

— Теперь, братцы, на сухопутье нам водный транспорт ни к чему. Все лодки отправить на восточный берег! — Встретив вопросительный взгляд Тернового, добавил, — нет, не вы. Переброску необходимых нам средств возглавит... — и, разыскав глазами начальника связи, отдал ему распоряжение.

В ответ на недоумение интенданта и некоторых других своих помощников Кирьяшин как бы отбивался от них вопросами:

— В самом деле, зачем нам иметь лодки? Не таскать же их по траве волоком, как и в глубокой древности?..

— Никто не возражает, но... — почесал затылок начальник инженерной службы.

Старший политрук Зобнин, набивая махоркой дымившуюся трубку своим желтым огубелым пальцем, объяснил:

— Каждый должен твердо знать: назад нам пути нет! И речи быть не может о том, что в случае неустойки можно вернуться на восточный берег. Там делать нечего. Если кто-нибудь из вас забыл что-то на старом месте, под Дубовиком, то отсюда к нему рукой подать, наш путь туда и лежит.

Капитан Кирьяшин направился с командирами рот на рекогносцировку местности. Каждому подразделению был определен участок, который предстояло укрепить в течение ночи с перспективой перехода утром в атаку.

С наступлением темноты по распоряжению старшего командования убыли на восточный берег бригадные разведчики и пехотинцы. Мотострелки остались на плацдарме единственными полными хозяевами. Ужинали поздно. Ординарец капитана Кирьяшина удивил ухой и жареной рыбой. Комбат разыскал глазами разведчика Тернового.

Тот выскочил из-за вывороченной снарядом коряги:

— Не моя вина, товарищ капитан. Сегодня во всем батальоне диетическая пища. Хлопцы говорят, что в мае лещ трется о берег. Как

его ловить? Мимоходом брали голыми руками. А я, как вы приказывали, только и делал, что катался на лодочке...

— Заправляй арапа. Фашист глушил, а ты подбирал. Выходит, сотрудничал с врагом. Тыфу-тьфу, а то кое-кто услышит и дело тебе...

— Я вам по всей форме доложил, товарищ капитан, что этого разболтанного разведчика не зря сплавляли из бригады к нам, — нашелся начхим. — Кругом как есть недисциплинированный. Я сам видел, как он ловил глушеную рыбу. У него все чувства притупились: и ответственности, и осторожности, и страха...

— ...и обострились: инстинкт херсонского рыбака и чувство бурлацкого юмора, — подхватил кто-то.

— Ладно, прогуляюсь перед сном. «Что день грядущий мне готовит?» — с песней удалился Кирьяшин в темноту леса.

М. Д. КАЗАЧИНСКИЙ,

*военный журналист,
полковник в отставке*

ПРИКРЫВАЯ С ВОЗДУХА

Чем дальше уходят от нас суровые годы минувшей войны, тем настоятельнее желание ветеранов поделиться о прошедшем с молодежью и рассказать о пережитом.

Наш 434-й истребительный авиационный полк был сформирован в июле-августе 1941 года вблизи крупного волжского города. Вооружен полк был хотя и не совсем современной, но новой материальной частью — самолетами ЛАПГ-3. И начали мы боевые действия осенью и зимой 1941—1942 года на Волховском фронте.

В самом конце августа прибыли мы на полевой оперативный аэродром Коломенка, находившийся в 7—8 км от г. Боровичи в излучине реки Мста. Отсюда и летали к линии фронта. Весь сентябрь и почти до конца октября полк прикрывал с воздуха наши сухопутные войска в районе Будогощи, Кириши, Чудово, Малая Вишера, производил налеты на вражеский аэродром в Чудове.

Каждый день был напряжен до предела. В светлое время суток (ночью мы еще не летали) летчики производили по два-три, а иногда и по четыре боевых самолето-вылета по перехвату и уничтожению бомбардировочной и разведывательной авиации немцев, прорывались сквозь сильное прикрытые истребителей Ме-109. Неся значительные потери, за полтора месяца мы уничтожили в воздушных боях около 25 бомбардировщиков и самолетов разведки противника. В воздушных боях и налетах на аэродром особенно отличились лейтенанты братья Михаил и Виктор Гарам, Владимир Орехов, Коровченко, Хальзунов, капитаны Семен Корзников, Александр Никифоров, заместитель командира полка Константин Панчев, самолет которого получил 64 пробоины после налета на аэродром немцев в Чудове.

В октябре оставшийся в полку летный состав во главе с его командиром майором Александром Корягиным убыл снова на Волгу для пополнения.

Новый полевой аэродром в перспективе для нашего полка был утверждён возле деревни Железная Гора, что в 10 километрах западнее станции Будогощ. Сюда комиссар полка старший политрук К. Федулов и я с остальным составом полка прибыли на автомашинах в конце октября.

Но мы напрасно ожидали свои летные эшелоны. Летчики не прилетели на этот аэродром по той причине, что противник перешел в наступление в направлении на Тихвин и 22 октября захватил Будогощ. Мы пешим порядком стали отходить вместе с отступающими войсками на северо-восток, а затем транспортными самолетами нас перебросили на аэродром в Хвойную, а оттуда – на новый полевой аэродром в Покромы – близ деревни Мякишево (в 6–7 км от ст. Хвойная). Сюда-то и стали прибывать эскадрильями наши летные эшелоны на новых самолетах ЛАГГ-3 с подвесными ракетными снарядами (РС).

Весь декабрь и начало января 1942 года наш полк уничтожал эрзами, огнем самолетных пушек и пулеметов сухопутные войска противника, отступавшие из Тихвина. Не снималась с полка и старая задача – прикрывать с воздуха наши сухопутные войска, но возникла и новая – частичное обеспечение транспортной авиации, летающей с аэродрома Хвойная в блокированный Ленинград с продуктами для войск и голодающего населения.

За эти два с лишним месяца летчики полка огнем эрэсов и пушек сожгли и уничтожили более ста автомашин и не менее двух батальонов противника, подбили до десятка танков, в воздушных боях сбили 10 самолетов.

Но и наш родной полк за это время понес ощутимые потери. В воздушном бою в районе деревни Гремячево был тяжело ранен командир полка, отважный воздушный боец майор Александр Александрович Корягин. Погибли лейтенанты Демич, Иванов, Штрентгольд.

Со второй половины января 1942 года мы уже начали вести боевые действия с аэродрома Красница, что в 8–10 км северо-восточнее станции Будогощ. Здесь мы уже ощущали острый недостаток самолетов. И все же в трудных боевых и погодных (мороз, метели) условиях летчики полка на последних 6–8 ЛАГГах надежно прикрывали наши сухопутные войска в районе Будогощи, Киришей.

В этих воздушных боях наши летчики сбили до десятка самолетов противника, уничтожили до 30 автомашин с грузами.

Вскоре наш полк был переброшен на юг и принимал участие в Сталинградской битве. Здесь полк стал гвардейским. За войну в нем выросло много отважных летчиков и командиров, в том числе 18 Героев Советского Союза. Именем Героя Советского Союза Евгения Михайлова, повторившего подвиг Николая Гастелло, названа улица и школа в Волгоградском районе г. Москвы.

И. ПЕСТРЯКОВ,

бывший начальник штаба
434-го истребительного авиаполка

ПОЕЗДА, ОДЕТЫЕ В БРОНЮ

32-й дивизион бронепоездов прибыл на станцию Будогощь 20 апреля 1942 года и поступил в распоряжение командующего 4-й армией Волховского фронта.

Железная дорога от Киришей до 75-го километра была разрушена. Немцы, отходя, взорвали все стыки рельсов. Первой задачей было восстановить дорогу. Эта работа была очень трудной, так как участки дороги хорошо просматривался и простреливался врагом.

В первый же день противник открыл массированный артиллерийско-минометный огонь. Появились раненые. Пришлось работать только ночью. Но костыль без стука не вобьешь. Поэтому мы установили на переднем крае полтора десятка пулеметов, которые, чередуясь, непрерывно вели огонь по немцам, заглушая стук.

Для ускорения работ нам придали в помощь железнодорожную дорогу. Дорогу восстановили до входного семафора станции Кириши. Очень трудным был последний километр, так как противник непрерывно пускал ракеты.

Против немцев с нашей стороны стояла 44-я стрелковая дивизия. Железную дорогу «оседлал» стрелковый полк под командованием майора Тихомирова. Вот с этим полком нам и пришлось взаимодействовать более года.

В нашем дивизионе было три бронепоезда. Первым командовал капитан Дашунин, вторым - капитан Сафонов, третьим - Голованец. Личный состав в большинстве состоял из бывших моряков.

О восстановлении дороги я доложил командующему 4-й армии генералу Н.И. Гусеву 10 июня 1942 года. Он тут же поставил мне первую боевую задачу.

Правый фланг немцев вдавался клином в нашу оборону. Местность здесь была выше, значит и посуше. Нашей же пехоте приходилось копать траншеи на заболоченном участке. Командующий приказал тщательно изучить этот клин, все вопросы увязать с ко-

мандиром стрелкового полка и потом внезапно всей мощью дивизиона обрушиться на этот клин, чтобы наша пехота сразу выдвинулась вперед, выравнивая передний край, и заняла сухое место.

К переднему краю подошли два бронепоезда. Пушки и пулеметы установлены в направлении огневых средств противника, обранных разведкой. В 00.10 был дан сигнал на открытие огня. Полтора десятка орудий разного калибра и более тридцати пулеметов одновременно ударили по узкому участку, находившемуся в 300-400 метрах от железной дороги. Непрерывные разрывы снарядов, свист пуль, синие, зеленые, красные полосы трассирующих пуль, огненные языки из стволов орудий – все было так неожиданно для противника, что он не оказал никакого сопротивления нашей пехоте, которая после прекращения огня броском заняла нужный рубеж. Много гитлеровцев было убито, взято в плен. Пленные так и не поняли, что произошло и кто стрелял.

В эту же ночь произошло и одно недоразумение. Медсанбат, находившийся в полукилометре от бронепоездов, решил, что это проделки немцев, и стал эвакуировать раненых, а те, кто мог ходить, отправились в сторону Будогощи. Собрали их с большим трудом.

Командующий нас похвалил и приказал: каждую ночь один из бронепоездов должен находиться у переднего края. Основной целью был железнодорожный мост через Волхов. Днем он просматривался нашими частями, поэтому поднос продовольствия, боеприпасов, эвакуацию раненых, пополнение немцы производили ночью. И вот бронепоезда, осторожно подойдя к переднему краю, внезапно открывали беглый огонь по мосту. После налета мы отходили к 75-му километру. И так каждую ночь по 5-7 раз.

С конца июля бронепоезда выезжали и днем. Немцы охотились за ними, да еще и как! Стоило бронепоезду открыть огонь, как специальные батареи противника, установленные на западном берегу Волхова, начинали ответный обстрел. Достаточно сказать, что более 30 раз нам разрушали дорогу и отрезали отход. Однако у нас имелся запас рельсов, шпал и инструмента, и мы тут же восстанавливали путь.

Наиболее опасным нашим врагом была авиация противника. Три раза были прямые попадания бомб. И, конечно, жертвы. В бронепоездах имелись зенитные орудия и пулеметы, которым много раз